

МЕТЕЛЬ

ПЕРЕМЫШЛИН АЛЕКСАНДР

Александр Перемышлин

Метель

«Издательские решения»

Перемышлин А.

Метель / А. Перемышлин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503410-6

Проснуться в новом мире, не помня ничего, что было до... Но почему сны и видения несут информацию о совсем далеких, невозможных временах? Герою предстоит спуститься в глубины подсознания, в иной мир, полный образов и тайн, чтобы понять, зачем он оказался в столь странной реальности, где человечество вынуждено каждый день бороться с вечной метелью за свою жизнь... Невероятное шаманское путешествие безымянного героя и читателя к нашим общим истокам основано на авторском исследовании фольклора.

ISBN 978-5-00-503410-6

© Перемышлин А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	40
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Метель

Александр Перемышлин

© Александр Перемышлин, 2019

ISBN 978-5-0050-3410-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Прежде всего, надо помнить, что основа уже есть, а твоя задача – продвигаться по ней.

Марья сидела возле огня, свет которого растекался по стенам ее небольшого жилища – землянке, вырытой между мощными корнями старого дерева в дубовой роще неподалеку от бьющего из-под земли источника. Само помещение было выполнено в форме подземного купола, внутренняя поверхность которого обработана специальным раствором, не дававшим стенам осыпаться.

Здесь было тепло и уютно. В воздухе витал древесный запах, пропитанный нотками трав, лежащих на полках или пучками свисавших с потолка. Под ногами расстелилась бурая шкура медведя, а вдоль стен среди малочисленной утвари стояли плетеные корзины с клубками нитей разных неярких цветов. Вдали от огня прятался старый глубокий котел с расписанной поверхностью. По центру же комнаты находился ткацкий стан с только начатым полотном.

– Вот, смотри, – продолжала Марья, – основа – это нити, соединяющие Верх и Низ, – она торжественно вознесла руки к потолку, а затем сложила их вместе, прижав к груди. – Не просто нити, а столпы. На них все держится, без основных нитей невозможно создать ткань.

Марья взяла в руки тонкий деревянный челнок с выполненной искусным мастером резьбой, изображавшей лебедя на воде, и ловко повела им поперек основы.

– А вот и поток... Танец жизни. То, что создает полотно, наполняя его своим собственным узором.

Нить дошла до крайнего основания и повернула обратно. В руках Марьи уток собирался словно сам по себе, а она лишь направляла его. Туда-сюда, туда-сюда. Ткань поднималась по основанию ряд за рядом, в узор входили все новые нити, новые цвета.

Я смотрел на работу Ткачихи, и в голове возник образ музыканта, играющего на арфе. Руки ходят в горизонтальной плоскости, легко касаясь вертикальных струн, заставляя их вибрировать и издавать звук. Из множества таких касаний струнной «основы» создается мелодия.

Марья будто прочла мои мысли, потому что ее лицо тронула едва заметная улыбка.

– Это будет пояс для новорожденного? – поинтересовался я. В ответ Марья молча кивнула головой. Она будто пребывала в творческом трансе, тихо покачиваясь взад-вперед, слушая ритм своего сердца и вибрирующих оснований.

– А кто определяет рисунок полотна?

– Это узор, не путай.

– И кто определяет узор?

– Я вижу узор, но не весь сюжет.

– Видишь?

– Люди видят формы и проявляют их в материи, это их дар.

– Разве сюжет не важен?

Руки Марьи остановились.

– Сюжет раскроется со временем, – вздохнула Ткачиха. – Я не могу изобразить здесь все подробности и события, но могу расставить указательные знаки. Следуя им, обладатель пояса правильно проложит свой путь.

Все то время, что я обдумывал ее слова, Марья пронизывала меня острым взглядом, будто ища что-то внутри.

– Но ведь все узоры похожи... – начал было я.

– А знаки должны быть неповторимыми? Свой набор знаков для каждого человека? – прервала она меня.

– Но...

– В природе каждый год повторяются одни и те же знамения, и все ее жители без труда считывают их. Но каждый в итоге поступает по-своему.

Челнок вновь заходил по основам, но Марья даже не смотрела на ткань – голубые глаза устремились на меня. Кажется, ей нравилось наблюдать, как ее слова отражаются в моем сознании, связывая картину из мыслей.

Я попытался стряхнуть их:

– А если человек пойдет не по знакам?

– Это его выбор, – отбросила мой вопрос Марья.

– Но все же?

– В твоем времени никто не ходит по знакам. Хорош ли тот мир?

Теряясь в ответе, я с ужасом понял, что начинаю забывать весь наш разговор. Как я здесь оказался? И, черт возьми, «здесь» – это где? Кто эта женщина? Почему я с ней беседую? В глазах потемнело, а тело сковало ледяными цепями. Влага липла к коже, ноги окончательно онемели.

– Подожди! – где-то вдали раздался глухой голос Марьи.

– Мне очень холодно...

– Вернись.

– Кругом снег...

Сквозь темноту я едва различал силуэт Марьи. Она накинула нить на мое запястье и завязала тугий узел. Нить сдавила руку так сильно, что боль вернула меня в реальность. Я смотрел на потрескивающие в огне дрова...

«Кто ты?» – хотелось спросить, но спустя пару мгновений я уже знал ответ, память возвратилась ко мне.

Рассеянный взгляд задержался на корзинах с клубками нитей. Ткачиха поняла, что вскоре я задам очередной вопрос, и опередила меня:

– Их приносят будущие родители. Дева, понимая, что беременна, начинает прясть нити для будущего пояса. Когда нити готовы, в дом призывают мою падчерицу и через нее просят меня соткать пояс для новорожденного.

Моя голова самопроизвольно закивала в знак одобрения. Казалось, что я все это уже давно знаю и не раз наблюдал. Марья снова прочла мои мысли:

– В детстве ты... – она запнулась, но лишь на секунду, – в детстве ты часто приходил сюда, чтобы посмотреть, как я тку, – улыбнулась она.

«Наверно, поэтому с тобой и происходят все эти вещи», – слышалось мне.

В голове пронеслись воспоминания о солнечных летних днях, проведенных в дубовой чаще, об охоте на туров и подглядывании за обнаженными девицами у озера. Казалось, что эта землянка, скрытая раскидистыми корнями старого дерева, ничуть не изменилась с тех пор. Все та же комната, все тот же очаг и вечный ткацкий стан...

– Раньше ты выглядела по-другому, – вдруг осознал я.

– Лишь выглядела...

Сколько времени прошло с тех пор? А Ткачиха была по-прежнему молода на вид. Постоянной оставалась ее суть, но не внешность, не тело...

Я помню эти зимние обряды. Лес покоится под снегом, голодные хищники рыщут в поисках жертвы, а в деревне готовятся к большому празднику. Воплощение. Торжество жизни и смерти – двух неразлучных супругов. Самое важное время в году, когда деды открывают свои сокровища молодым. Древние и мудрые, сейчас они свободно гуляют среди смертных.

Зимой все становится иным, непонятным, скрытым. Кругом – одни загадки, ответы на которые невозможно найти без погружения под плотный покров поверхностной жизни. Духи любят загадки, и тех, кто может их разгадать. Еще они любят музыкантов и плясунов, ведь они позволяют им войти в свои тела на время и устами вещать людям свои тайны во время игрищ и представлений, коими насыщены зимние дни.

Народ веселится, когда запасы на зиму уже приготовлены, и наступает сезон главного урожая: детки молодоженов один за другим появляются на свет, и дома заполняются звонким плачем – первая песня жизни. Ох, и хлопот же прибавляется! Но вместе с ними приходит и радость. Так уж принято, что чужих детей не бывает и крошек воспитывают всей деревней.

Первым делом, сразу после рождения, волхвы помещали души детей в навью «берлогу» на сохранение, чтобы никакое зло не похитило их коварным образом, придя с холодным сквозняком тихой ночью. В той берлоге тепло и хорошо, души греются под боком у Матери-медведицы, за что она получит щедрое вознаграждение весной.

Воплощение, проявление новых форм – ликова. Это и есть «волхование» – обращение в иную форму. Волхвы – мастера оборотничества, бродящие в эти дни в диких масках и шкурах. Одним своим существованием они показывают, что личина – лишь следствие замысла, а реальность – проявление духа. Потому их и называли «волхвами», то есть, грубо говоря,

«шкурами» или «ряжеными» – лишённые своей индивидуальности оболочки, вместилища говорящих их устами духов.

Источник открыт, в мир вместе с «воплотившимися» приходят и бесплотные духи. Вот тут-то волхвы и держат ухо востро. Они гадают, камлают, вопрошают о будущем, ловят новых помощников. И готовят созревшую молодежь к принятию наследия Рода. По-другому не бывает: какой же ты мужчина, если не вобрал в себя духов? И как ты сможешь воплотить одного из них в потомстве, если в тебе его просто нет?

Вот и забирают в зимние дни волхвы подготовленных молодых ребят на курганы, чтобы те обрели своих духов и принесли их той, на ком скоро женятся.

Веселое время, игривое. Опьяненные духами юноши ходят ряженой толпой по домам своих возлюбленных, пытаясь умыкнуть их от родителей. А девушки ждут и гадают о «суженом-ряженом». Но и родители мудры: заставляют парней доказать, что новоиспеченный жених способен обуздать своих духов и быть хорошим мужем.

Это было время, когда Марья – жена Великого духа – приходила в деревню, чтобы выбрать себе «падчериц», которые будут помогать ей в лесной обители. Одна из них однажды станет новой «Марьей».

– Одна, – проговорил я вслух, и поток моих мыслей прервался. К горлу подкатил ком, но я не мог понять, с чем это связано. Мои воспоминания вновь уносили меня в зимние праздники.

Марья ходила по улицам, одетая в козлиную маску и плащ с разноцветными лентами, поздравляя народ с новыми воплощениями в их семьях. Тут же играли и новые свадьбы, чтобы ранней весной, как только прилетят первые аисты, сообщить благую весть – осенью деревню ждёт новый «урожай», и все повторится вновь...

- Приятные воспоминания? – услышал я сквозь свои мысли голос Марьи.
- Да... Но такие далекие, – рассеянно ответил я.

Ткачиха грустно вздохнула:

- Мы с тобой еще поговорим. Ты только не забудь, что я тебе сказала. Помни об основах.

Не успел я нахмурить в недоумении брови, ибо моя память вновь начинала стираться, как Марья протянула мне клубок из толстой красной нити:

- Держи! Следуй за ним, он выведет тебя из Лабиринта!

Я взял его в руки и моментально обжегся. Глаза ослепил яркий свет, а через секунду все тело пронзила острая боль, лишившая меня всех чувств. Только холод, умерщвляющий тело. Лишь белизна, забирающая остатки разума.

– Он еще дышит! – послышался сквозь мерзлоту мужской голос. – Грузи его, покажем Уорду!

Машина тронулась, взметая за собой снег, который был повсюду: падал с неба, лип к колесам, оседал на коже.

Я лежал в открытом кузове под толстым грубым одеялом. От каждой кочки, на которую наезжал наш транспорт, по телу расходилась ноющая боль. Организм не слушался мозга. Единственное, о чем я мечтал, – уснуть. Все был готов отдать за то, чтобы просто забыться сном, но сидящий рядом парень, чье лицо было не разглядеть за вязанной черной маской, то и дело тормозил меня и что-то говорил на непонятном языке. Ему удавалось держать меня на грани бодрствования, хотя на каждом новом повороте глаза, словно повинувшись инерции, закатывались под веки.

Помню, как машина остановилась перед массивной стеной и широкими ангарными дверями, несколько секунд ушло на переговоры между водителем и дежурным охранником. После этого ворота разъехались, впуская наш транспорт в теплую тьму. Впервые оказавшись вне снега, мой организм совсем расслабился, и я потерял остатки сознания...

Мне хотелось, чтобы прошла вечность, но она длилась всего пару минут. По крайней мере, так показалось. Пара полных ожиданий минут.

Мозг проснулся позже, чем тело. Я осознал себя стоящим перед группой мужчин. Двое из них, возможно, были военными, они молча держали в руках автоматы. Чуть ближе ко мне стоял главарь, высокий, статный, широкий в плечах, с пронзительными серыми глазами, черными волосами и стриженной бородой. Он с холодным любопытством смотрел то на меня, то на другого человека, который, как я понял позже, был врачом.

Доктор внимательно осматривал меня, обходя кругом. Наблюдая за ним, я вдруг обнаружил, что стою совершенно голый посреди какой-то слабоосвещенной пустой комнаты, из-за бетонных стен которой доносился вой ветра. Доктор осмотрел мои зрачки, пощупал пульс на шее. Затем крепко, до боли, сжал плечо, заставив меня скорчиться. Я инстинктивно дернулся, на что доктор никак не отреагировал. Он обошел сзади, остановился и долго разглядывал мою спину. Я читал его мысли на лице главаря, который следил за реакцией доктора и ожидал от него какого-то решения.

Врач надавил мне пальцем в основание черепа, затем на шейные позвонки, потом между лопаток, дальше в месте перехода грудного отдела в поясничный; следующей была точка позвончика на пояснице, и последней остановкой его пальца стал копчик. Каждое прикосновение будто било током мое измученное тело. И, кажется, доктор остался довольным. Это было видно по выражению одобрения на лице главаря.

Доктор обошел меня, встав слева и начал растирать ладони, дуя в них. Главарь, скорей всего, знал всю процедуру, поэтому ждал, пока врач настроится, но было заметно, что его терпение подходит к концу. Между тем доктор, прислонившись своим лбом к моему, сжал сзади мою шею одной рукой, и от места его прикосновения по организму растеклось приятное тепло.

– Отсюда сила ушла, – вдруг произнес врач. Оказывается, я спокойно понимаю их язык... и, скорей всего, вольно говорю на нем. – Но она была здесь прежде... Вернем ее со временем.

Вторую руку он положил мне на грудь, будто достав до самого сердца. Доктор одобрительно кивнул тому, что почувствовал. Затем он спустил ее на живот, отчего внутри разжегся огонь. Доктор продолжал улыбаться и кивать, словно говоря «все отлично!». Но тут наши взгляды встретились.

Лицо врача перекошилось. Может, мне показалось, но в нем проскользнул страх. Он выпустил мою шею и уперся рукой мне в лоб, будто пытаясь отклеиться, оставив вторую ладонь на животе. Это действие буквально вывернуло меня наизнанку. Мир сжался до точки, чувства исказились. Все, что я видел перед собой, – это глаза доктора, полные вопросов. Они, словно ищейки, рыскали во мне, проникая так глубоко, насколько позволял мой полумертвый организм. И чем дальше проникал доктор в поисках ответов, тем отчетливее на его лице проявлялась гримаса боли... как и на моем.

– А с этим что? – внезапно вырвал нас из транса жесткий голос главара.

Доктор даже не сразу отреагировал на него. Будто очнувшись после обморока, он рассеянно повернулся к главарю, вопрошая глазами.

– Здесь сила есть? – холодно произнес главарь, вытянув указательный палец в направлении моего паха.

Сообразив, что от него требуется, доктор тут же сжал меня там рукой, которая до этого лежала на животе. Тело пробило электрическим разрядом так, что отдалось болью и в животе, и в груди, и в шее, вызвав мигрень. Спустя несколько секунд кулак доктора разжался, освобождая мое естество, и я вновь смог дышать. Он развернулся и с улыбкой направился к главарю.

– Много силы! Хорошей силы!

От этой новости лицо главара мгновенно смягчилось и проявило сразу несколько эмоций. Тут были и удивление, и радость, и смущение, и сомнения.

Я тогда еще не знал, что все это значило, но диагноз доктора во многом предопределил мое ближайшее будущее. Ведь ребята с автоматами накинули на меня теплое одеяло, взяли под руки и вывели из комнаты. Главарь был явно доволен своей находкой. Я слышал, как он распорядился поселить меня «в тауэре» и вылечить.

Длинный коридор тянулся к выходу, где за большими воротами меня ждали снег, ветер, люди и машина, готовая отвезти в неизвестность. Я двигался словно во сне, повинуюсь разворачивающемуся сюжету, не имея воли отойти от него, задать вопрос или что-то поменять. И среди десятков мыслей, хаотично роящихся в моей голове, на поверхность всплыла лишь одна – «основа уже есть, твоя задача – продвигаться по ней». Внезапная боль пронзила только отогревшуюся от мороза руку – на запястье проступил красный след, будто от недавно затянутой нити.

Глава 2

Остаток дня я провел, укутавшись в пухлые одеяла, одиноко лежа на кровати гостевой комнаты. Главварь решил, что доктор должен поселить меня подальше от остальных и следить за состоянием моего здоровья, которое было совсем не в порядке. Тяжело было даже подняться с кровати, а утренний досмотр, во время которого я стоял на ногах несколько минут, теперь казался чем-то нереальным. Все, что я мог, – это глядеть в потолок и по сторонам, стараясь отвлечься от ноющей боли и постоянной тошноты.

Окна были задернуты плотными занавесами – доктор предусмотрел, чтобы яркий свет не резал мои слезящиеся глаза. Полумрак помещения пытался одолеть небольшой светильник в дальнем углу и огонь розоватого оттенка в камине с синтетическими поленьями. Обстановка в целом напоминала лесной охотничий домик... убежище. И сейчас самым важным для меня было тепло моего временного жилища и то чувство безопасности, которое оно давало.

Я не знал, где нахожусь и кто я такой, не помнил ничего до того момента, как меня вынули из-под снега где-то на окраине города. Не было ни каких-либо указателей, ни подсказок, ни намеков. Лишь бескрайние белые просторы вокруг.

Меня мучила жажда. Озираясь, я обнаружил бутылку с красным соком, стоящую на прикроватной тумбе, и потянулся за ней, но слабые руки не смогли ухватить гладкую поверхность и обронили ее. Бутылка покатила по полу в сторону выхода, оставляя за собой тонкую алюю дорожку находящейся внутри жидкости, и остановилась у ног вошедшего доктора. Он держал поднос с тарелкой супа и стаканом с какой-то настойкой бледно-зеленого цвета.

– Вряд ли ты хочешь есть, – сказал врач, – поэтому я тебе и не предлагаю, но если вдруг появится аппетит... По крайней мере, в этом бульоне на редкость натуральные продукты.

От вида маленькой тарелки к горлу подкатил рвотный рефлекс. Я зарылся еще глубже в одеяла. Доктор понимающе кивнул и поставил поднос подальше от моего ложа.

– Тебя нашли в полумертвом состоянии, – начал он, садясь на край кровати, – еще немного, и мороз добил бы тебя. Даже удивительно, как ты продержался так долго. Если б не мусорная бригада... Ты вообще хоть что-нибудь помнишь?

– Не знаю, кто я, – сквозь боль прохрипел я.

Это все, что я вообще мог сказать о своей личности. Ни имени, ни возраста, ни племени. Моя короткая жизнь начиналась с белоснежных полей, а единственным воспоминанием оставался дикий холод.

Доктор протянул мне две темно-серых пилюли и стакан с той мерзкой настойкой.

– Вот, выпей. В тебе могут быть споры.

Я недоверчиво глянул на предложенное, собираясь отказаться, но доктор силой сунул мне лекарство в рот и залил туда зеленую мерзость. Я закашлялся, стараясь хоть как-то защититься от внезапного нападения обжигающей жидкости на мою глотку.

Доктор остался доволен своей работой.

– Ты, видимо, совсем ничего не понимаешь, – помотал он головой. – Ты пролежал в пустоши достаточное для заражения время. Это споры... Pestalotiopsis Gulosus. Гриб, поедающий пластик. Когда-то первые Pestalotiopsis, возможно, и были безобидными, но только не Gulosus! Крайне прожорливая тварь. Если притащишь его на себе в город, боюсь, он сожрет все, до чего дотянется.

– Пластик?

– Условно. У нас его много, – вздохнул доктор, – неважно, подо что он замаскирован. Это все пластик... Мы его используем даже в еде.

– Я мало что понимаю, – пробубнил я.

Этот мир совершенно не был мне знаком, как и любой другой. И это пугало. Ведь я мог говорить, понимал, что и как работает, знал свойства предметов и людей, но не мог вспомнить ни капельки из своей жизни. Где я родился? Какой сейчас год?

– Какой сейчас год?

Доктор улыбнулся самому ожидаемому из вопросов:

– Шестьдесят третий, – ответил он, но тут же прочитал по моим поднятым бровям, что тут как минимум не хватает уточнения. – Шестьдесят третий год по местному летоисчислению.

– Это как?

– Где-то семьдесят лет назад, больше или меньше, на Земле случилась катастрофа. Все замерзло, абсолютно все. Тут такое творилось, что и представить страшно. Сейчас уже практически не осталось тех, кто помнит мир до катаклизма. Человек двенадцать, наверно, если не считать старика Суна – тот уже давно колотит в двери Творца. Я-то родился позже, когда мир сковали льды. В конце концов, планета изменилась, и человечество перестало быть ее многочисленным жителем... В одном нашем городе и тысячи душ не наберется. Но это всяко больше, чем вообще животных.

От рассказа доктора волосы вставали дыбом. Картины разрушений и смертей рисовались в моем нищем на образы воображении. Мне был неведом мир до катастрофы, но сердце безжалостно щемило от чувств, от бесконечной скорби, от убитых надежд.

– Но мы по-прежнему живы – вот, что главное, – продолжил врач. – И тебя оживим. Ты только принимай все те лекарства, что я буду давать. Нам тут не нужны носители Гулосуса.

Чувствуя ломоту во всем теле, я не мог поверить, что когда-нибудь «оживу».

– Вы так говорите, будто этот гриб – единственная моя проблема, – отвернулся я от доктора.

– Поверь, как только начнешь есть нашу искусственную пищу, если ты не ел ее раньше, то гриб определенно станет твоей проблемой. Он крайне чуток к синтетике. Живо обглодает тебя с ног до головы.

Меня невольно передернуло от этой жуткой фразы, и я вцепился в пустой стакан из-под зеленой жижи, что вызвало несдерживаемый хохот врача.

– Погоди, не так сразу, – он попытался стать серьезным, – но твой настрой мне нравится. Не хочу пугать, но ты пойми, как только гриб вырвется из тебя, начнет поедать все вокруг. А это – катастрофа. У нас и так все еле держится. Эти конструкции совсем не рассчитаны на постоянную зиму. А учитывая, что тут происходит по ночам, мне страшно представить, сколько еще выдержат стены.

Доктор погрузился в свои мысли, понизив голос:

– Говорят, раньше тут было очень тепло...

Но меня больше волновала фраза «Гриб вырвется из тебя», от которой постоянная тошнота стала казаться весьма устрашающей.

– А я точно заражен? – решил я испытать милость судьбы.

– Однозначно! – порвал мою веру в будущее врач. – Наши мусорщики полностью закрывают свое тело экипировкой. А ты там голый провалялся в снегу неизвестное количество времени. Как ты, черт возьми, там вообще оказался?! Ты же явно не из наших. Здесь я всех знаю. И возраст у тебя молодой. До тридцати, полагаю... Здесь таких юнцов маловато, чтоб ты мог затеряться среди них.

– Я ощущаю себя мертвецом, – проворчал я, – так что не рассчитывайте на свежую кровь.

– Охохо! – изумился доктор. – Не смей вообще такое произносить вслух. Иначе быстро вылетишь обратно в пустошь.

Мрачный вариант развития событий заставил меня немедленно умолкнуть. Я уже видел, как мой еще не остывший труп выбрасывают в бескрайние снежные поля. Эта мысль буквально вдавила меня в кровать.

– Черт, даже выражение твоего лица не местное! – улыбнулся доктор. – Что же ты за зверь такой? Ведь тут рядом, кроме нашей выжившей кучки, жизни нет. Я даже не знаю, остались ли вообще на планете еще люди. Только мифические народы, существующие лишь в слухах и байках.

– Но я-то – не миф. Вот они: руки, ноги, – я попытался пошевелить конечностями, но кроме боли, ничего мне это не принесло.

– Вот и береги эти руки да ноги! Откуда бы ты их не притащил сюда. Ты нам нужен, пришелец.

– Я?!

– Ты-ты! Думаешь, тебе, зараженному, дали шанс просто так? Нет уж, придется поработать!

Я сдерживал эмоции, как мог, но возмущение яростно боролось с разумом. Понятно, что мне придется отработать гостеприимство. Понятно также, что я ничего не знаю об этом мире, поэтому, что мне скажут, то я и буду выполнять. Но все эти речи доктора не вносили ясности в мое мироощущение, а только еще больше запутывали.

– Что вообще тут происходит?! – не выдержал я.

Мой лекарь тяжело выдохнул, почесав свою рыжевато-седую бороду, и совсем поник. После долгого молчания, он спокойно произнес:

– Да, если ты будешь с нами жить и не престаившись в течение пары дней, надо бы тебе рассказать, что тут и как, – врач сам себе покивал головой. – Вставай!

«Нет!» – закричало из последних сил мое тело. «Подъем!» – приказал я ему, и медленно, с кряхтением начал свое восхождение в вертикальный мир живых. Закутавшись в одеяло, я доверился поддержке доктора, который вел меня к большому бурому занавесу.

– Оглянись.

Я осмотрел комнату с высоты своего роста. Деревянная отделка, рога оленя над кроватью. Маленькие лампы, вмонтированные в потолок, но не источающие свет. Картина с зеленым лесом над камином – тепло нарисованного лета, греющее душу.

Доктор одернул занавес, и мне в глаза хлынул ослепительный свет, озаривший комнату розовыми оттенками. Это был самый прекрасный свет, который я видел за свою однодневную жизнь. Он отражался миллиардами кристаллов по снежной поверхности раскинувшегося за огромным, во всю стену, окном города. Заходящее солнце отражалось в каждом окне величественных небоскребов, расположившихся вдоль главной улицы. В одном из них находился мой «охотничий домик» – лишь маленький уголок среди обширного стеклянno-бетонного пространства.

Громадным оно казалось лишь первое время. Чуть позже я увидел высокую стену в конце улицы, идущую по квадратному периметру за небоскребами.

Доктор следил за моим взглядом и прокомментировал увиденное:

– Мы пытались занять больше места, но не вышло. Гриб-обжора не пускает. Нас мало, а его там слишком много, и он с каждым годом наращивает свою сеть. Думаю, его мицелий уже под городом, просто ждет момента, когда бетонные улицы треснут от морозов, – доктор изменился в лице, грустная ирония отразилась в его взгляде на город. – Забавно: мы – последние люди, когда-то мы строили огромные города, погружались все глубже в землю и воду, взлетали все выше в небо, а теперь умещаемся на одной улице древнего города, построенного далекими предками. Живем и ждем, когда наступит конец, не в силах ничего предпринять.

Печальный монолог врача наполнил меня новой грустью. Я положил свою руку ему на плечо, но это совсем не выглядело ободряюще. Лишь неуклюжий жест человека, с трудом удерживающего равновесие. Мы смотрели на опускающееся за горизонт солнце, вместе с которым уходило и хрупкое чувство уверенности. Возможно, этот вечер был последним для людей – вот, что читалось в темнеющей тишине.

– Мусорщики каждый день уничтожают сети Гриба на стенах. Самая героическая профессия, – улыбнулся без радости врач.

– Откуда он взялся?

– Мы сами его создали! Точнее, не мы, а те, кто был до нас. У прошлых поколений накопилось очень много синтетических отходов. Большая часть перерабатывалась в новые продукты, но было и то, что выбрасывалось на свалки. Они почти не разлагались, вот и копились.

Для их утилизации вывели особый тип известного ранее *Pestalotiopsis*. Так и назвали «Обжорой», поскольку он в считанные часы поглощал синтетику и особенно любил пластик. Интересным было то, что он просто поглощал ее, не выводя никаких продуктов из своего организма. Гриб просто разбухал и покрывался прочной коркой, будто впадая в спячку. Впрочем, его новая форма отлично горела в первые дни «спячки», превращаясь в золу. Так с ним и поступали. Сжигали. Ни гриба, ни отходов. Очень выгодно. Зола стала замечательным удобрением для почвы. По крайней мере, так говорится в записях, которые мы нашли.

Беда случилась, когда мир рухнул. Многие тонны пластика оказались в распоряжении гриба. А заодно с ним и других материалов. Человечество гибло вместе с животными и растениями, а эта тварь воспользовалась ситуацией! – доктор гневно махнул вдаль рукой. – Там целые города, покрытые каменной корой теперь. Один большой гриб вместо замерзших поселений. Спроси у старого Нила, он ходил туда, когда еще была возможность. До сих пор под впечатлением. Жги его теперь, сколько угодно, все равно не уничтожишь.

В общем, нам повезло, что те, кто тут жил до нас, позаботились о выживании. Самый главный у нас Уорд. Уже даже без имени, просто Уорд – один из Уордов – промышленный род. Его предок изобрел специальное покрытие для стекла, которое превратило все небоскребы в гигантские солнечные батареи. Вот, присмотришь, – доктор провел пальцем по поверхности окна.

От нажатия его пальца стекло покрылось едва видимой паутиной. Вглядевшись, я увидел хитрые переплетения дорожек, как на микросхемах, только в разы тоньше. Тут были и плотные участки, и проводящие пути, и структура, похожая на соты. Невероятный золотистый технологический узор, преобразующий энергию солнца в электричество.

– От окна идут кабели, несущие энергию в аккумуляторы и электросеть. Конечно, таких объемов, как в древности, наши батареи не вырабатывают, – доктор указал пальцем на выключенные потолочные лампы, – но одного окна вполне хватает, чтобы твои обогреватели работали всю лютую ночь, не давая комнате и воде в трубах моментально замерзнуть. Первые двенадцать этажей работают на систему насосов в здании, лифты и на городские нужды. На остальных живут люди. А вон там, – доктор ткнул пальцем в сторону невысокого, по сравнению с нашим, зеркального небоскреба, находящегося в конце квартала, – располагается наша пищевая база. Мы выращиваем то, что еще можно вырастить. Овощи, фрукты. Их мало, но нам хватает. На первых этажах – лаборатории семьи Роуз, благодаря которым мы имеем синтетическое топливо и еду. Далее располагаются наши искусственные пастбища. Поблагодари за свой сегодняшний деликатесный суп почившего быка и владельца всей фермы Барри Ронсона. Выше располагаются теплицы. Еще пытаемся рыбу разводить, но результаты совсем плачевные, ее даже меньше, чем мяса – очень энергозатратный проект. Почти каждое здание внутри периметра вырабатывает энергию для «Кормилицы». Без нее не будет нас, сам понимаешь, поскольку других источников питания у нас просто нет. Разумеется, там же работает почти все население. Не задействованы только мусорщики, которые по совместительству еще и военные, утилизаторы снега для питьевой воды, инженеры Уорда, и я, как главный врач. Хотя признаюсь, люблю поработать руками на ферме Ронсона.

От информации у меня закипел мозг. Небоскребы-города, небоскребы-фермы, грибы-убийцы, а между ними – снежные улицы.

– Стой! – затряс я больной головой.

Доктор замолчал и искоса глянул на меня:

– В общем, я хотел сказать, что мы живем вот так уже 63 года... Добро пожаловать в Сидней.

– Неплохо...

– В какой-то степени... Вот только нас мало, – смутился доктор.

Я только и смог, что мысленно пожать плечами. Мало ли, много. После тех ужасов, что рассказал врач, я вообще был удивлен, что люди организовали какое-то общество, да еще технологическое и вполне себе автономное. Не знаю, как все это начиналось, но шестьдесят третий год от катастрофы казался мне довольно комфортным. Уорд и его семья должны гордиться собой за то, что смогли создать свой маленький мир где-то на краю ледяного света.

– Значит, это был Уорд? Когда меня нашли.

– Да, он.

– А кто-нибудь еще из Уордов жив?

– Его отец, тоже Уорд, умер 9 лет назад, через год после смерти своей супруги. Остался только один Уорд-младший.

– Наследники?

– Э... – доктор смутился еще больше. – Вот об этом нам и надо поговорить.

Фраза Доктора прозвучала как-то угрожающе, поэтому я перевел свой взгляд с темнеющего горизонта на него.

– У Уорда есть жена, Ребекка. Она целыми днями занимается тем, что воспитывает детей тех, кто занят на ферме или в лабораториях, – доктор помедлил. – Всего у нее 4 воспитанника. Три маленькие девочки и один пятилетний мальчик. Больше у нас детей нет.

Мои брови в недоумении сдвинулись.

– Есть еще шесть подростков 14—16 лет. И все.

– А остальные где?

– Их нет. Просто нет. Среди оставшихся нет мужчин младше 25 лет и женщин до 23.

– Почему?

Доктор медленно выдохнул:

– Кажется, мы больше не можем иметь детей. Я не знаю, что это. Женщин больше, чем мужчин, девочки рождаются чаще. Рождались чаще. Мальчики – это большая редкость. Да и те вырастают бесплодными мужчинами.

– Проблема в мужчинах?

– Да, у женщин патологий нет. Они способны вынашивать детей. Все дело в мужчинах, они просто стерильны. Будто природа наказала всех разом.

Доктор замолк. А у меня хаос мыслей начал складываться в четкую картину. Я моментально вспомнил утренний досмотр и вопрос главаря, много ли во мне силы. По телу вновь пробежал разряд, как от прикосновения доктора, я почти видел полную надежды улыбку главаря...

– Уорду нужно...

– Твое семя, – закончил за меня врач.

Он тут же засуетился, сославшись на то, что ему надо куда-то по делам, и торопливо направился к двери, но открыв ее, остановился.

– Ты полюбишь наш город. У тебя нет выбора. Твое появление здесь сродни благой вести для нас. И мы тебя изучим, – сказал он, стоя ко мне спиной, а затем обернулся и крайне серьезно посмотрел. – Я не знаю, кто ты, но я тебя вылечу. А затем ты окажешь этому гостеприимному месту услугу, дав нам ответы.

Если б не мое дурное самочувствие, я бы непременно поддержал довольно неловкую ситуацию. Но мне было не до этого.

– Радуйся, дурень! – послышался голос врача. – Ты теперь наш Священный бык! Поешь и отдыхай, – донеслось из-за запирающейся на ключ двери. – Загляну к тебе завтра.

Я стоял посреди комнаты, глядя на закрытый выход, слушая звуки удаляющихся шагов человека, которому было доверено мое здоровье. Тишина оглушила меня своей безысходностью. За моей спиной разворачивался сумеречный пейзаж, возможно, последнего человеческого поселения. Оно было таким же одиноким среди бесконечных просторов, как и я. Небо затянулось густым покровом, угрожавшим обрушиться на маленький беззащитный мирок. Его посланники-ветры торопились проникнуть внутрь моего убежища.

Шатаясь, я добрался до кровати и упал в ее объятия. Тело тонуло в мягкости и тепле. В глазах темнело, но сознание все еще сопротивлялось. Священный бык? Я? Бред.

В животе недовольно заурчало, что заставило меня вспомнить про принесенную доктором тарелку супа. Я нашел ее рядом с кроватью и с жадностью принялся поглощать все ее содержимое. Бульон был наваристым, мясным. Но самого мяса в нем не оказалось.

Выпив «суп» секунды за две, я повалился на спину. Меня мучила одышка, а мир будто сузился до размеров пятна на потолке. Запястье зануло от боли, а вслед за ним и все тело. Меня знобило и трясло. Священный бык, черт возьми. Вылечить меня. Бульон из быка... А мяса нет...

Я летел сквозь липкую тьму, встречая тусклые световые пятна. Бестелесный, невесомый, слитый воедино с пространством.

...Сквозь меня пронесся порыв ветра. Я стоял на каменном холме, чью поверхность нещадно поливал дождь. Сквозь темные тучи пробивались яркие всполохи света. Они очаровывали и пугали одновременно. Свет пульсировал, будто небесное сердце, каждый удар которого сопровождался оглушительным треском и грохотом. «То моя лягушонка в коробчонке едет», – послышался голос матери.

Она сидела рядом со мной в детской комнате. Моя голова лежала на ее коленях, и каждое ласковое прикосновение ее рук к моим волосам дарило нежную любовь. Мы вместе укрылись пухлым одеялом с вышитыми оранжевыми слонами, поверх которого около наших ног важно мурчал пушистый серый кот. Он каждую ночь засыпал на моей кровати. Папа был против поначалу, но у кота оказалось больше наглости, чем у отца терпения.

Мама рассказывала мне сказку о том, как один из братьев попал стрелой в лягушку, что жила на болотах, и ему пришлось жениться на ней. Смешная история, и мне больше хочется послушать про серого волка, который помог добыть коня и невесту, но сказку не остановить.

Вот царь пригласил сыновей с их женами на пир. Все пришли, кроме жены Ивана. Он один, совсем один. Люди, наверное, смеялись над ним. Он же дурень! Но вот раздался гром, все ближе и ближе. Народ забегал в страхе, но Иван всех успокоил: «Не бойтесь! То моя лягушонка в коробчонке едет!» И вскоре в зал вошла прекрасная царевна в белом сиянии...

...Последний всполох света стал особенно ярким. Он разорвал тучи и озарил бесконечную водную гладь. Воздух будто взорвался, разнося волны в разные стороны. Если бы у меня были уши, они бы рассыпались, не выдержав громкого рева падающего огненного шара. Через секунду сияющая глыба скрылась в океане. А еще через мгновение меня накрыло огромным цунами...

...Холодное зимнее утро. Еще слишком рано, чтобы даже думать о рассвете. Но я не сплю. Меня переполняют странные чувства. Тут и радость, и трепет, и неизвестность, и ледяное спокойствие. Я только что узнал, что этой ночью у меня родился ребенок...

...Мама продолжала рассказывать сказку. Прекрасная царевна вышла танцевать. В один рукав она вылила вино, а в другой засунула кости от съеденной птицы. Она кружила по залу, завораживая всех присутствующих. Махнула одной рукой – появилось озеро, махнула другой рукой – по нему поплыли лебеди.

«Следи за ее движениями! – услышал я чей-то шепот. – Шаг, второй, в сторону. Ты все запомнил, мастер? Сможешь повторить?». Я оглянулся на голос, но никого не увидел. В тот же момент из другого конца зала донесся все тот же мужской разговор: «Не отрывай от нее глаз. Она покажет тебе, что мне нужно. Видишь, еще один поворот, почти девяносто градусов. Запоминай!». Я встал из-за переполненного яствами стола и направился к двум бородатым мужчинам, которые сидели в дальнем углу зала. Слева от меня танцевала Царевна, вокруг нее плавали лебеди. Я почти дошел до подозрительных стариков, как кто-то дернул меня за плечо. Я обернулся и в страхе отскочил в сторону – на меня смотрела кривая морда чучела...

...Океан кипел и бурлил. Но время двигалось вспять. Огненный шар медленно поднимался из воды, унося с собой молнии.

...Я стоял в хрустальном зале под темным куполом, поверхность которого была украшена изображениями созвездий. Сотни мерцающих подвешенных свечей будто парили в темном пространстве. Я слышал чей-то бас, громом отдававшийся от стен купола. Грозный богатырь кричал на сияющую женщину. Ее белые волосы касались стеклянного пола, создавая всполохи света. Внизу я видел густые тучи, изливающие свою воду.

Тиран кричал так громко, что невозможно было сосредоточиться. «Я изгоняю тебя! И всех твоих...» – послышалось мне. Хрупкий пол треснул, и красавица полетела вниз... а следом и я.

...Под землей сыро и тесно, но безопасно. Богатырь не дотянется до меня. Все хорошо. Я осмотрел свои руки, но вместо них увидел серебряные тонкие ветви. Где-то наверху послы-

шался топот копыт. Мне стало очень интересно, что же там происходит. Извиваясь, я пробивал себе путь сквозь почву. Еще чуть-чуть, совсем близко. Яркий свет весеннего дня ослепил мои не-глаза. По зеленой поляне бегали девушки, изображающие лебедей. Они собирали цветы и плели из них венки.

Внезапный порыв ветра изменил местность. Девушки исчезли, а в нескольких метрах от меня из-под земли выскочил пегий конь. На нем сидел гордый всадник, могучий и грозный. Но без головы.

Ретивый конь носил безголового всадника по лугам, разбрасывая вокруг электрические разряды, пока тот не взорвался букетом цветов. Ромашки, одуванчики, ирисы и прочие. Десятки оттенков, сотни пылинок. Они разносились ветром в разные стороны и, в конце концов, падали на землю...

...Я шел по цветочному полю босыми ногами. Высокая трава нежно касалась моих колен и бедер и будто указывала путь, слегка наклоняясь в нужную сторону, направляя к огромному дубу. Где-то над головой парил белый ворон. Он предупреждал об опасности, но я не видел угрозы. По крайней мере, пока не заглянул за толстые корни дерева. Там тихо спала прекрасная дева. Она была так хороша, что неудержимые силы склонили меня над ее бледным телом и заставили горячо впитаться в губы.

Глаза девушки немедленно распахнулись, открыв желто-черные вертикальные зрачки. Ее ноги превратились в змеиный хвост. Не успел я понять, что происходит, как она зажала мое горло стальной хваткой и утащила под корни дуба.

В темноте я с трудом различал контуры сжимающей меня огромной змеи. Она давила с такой силой, что кости готовы были хрустнуть в любой момент. Мне не хватало воздуха, изо рта вырывался сдавленный хрип. Мои вены начинали лопаться, заливая змею кровью. Но как только первые ее капли попали на шкуру монстра, ситуация изменилась. Змея в страхе ослабила хват, а потом и вовсе отбросила мое обмякшее тело. Но ей не удалось сбежать – части меня уже приклеились к чешуе и теперь растекались по ней серебряными нитями. Я поработал каждый сантиметр змеи, пытаясь захватить как можно большую поверхность.

Вскоре вся змея скрылась под моим тонким ветвистым телом. Она стала жертвой, и я не собирался отпускать ее. Я любовался своей новой формой: кокон для поверженной змеи, хищник, нитевидный повелитель подземелья. Но внезапно что-то капнуло на меня и обожгло. А затем еще раз и еще. Жар становился невыносимым...

Я проснулся в холодном поту и с дикой болью в животе. Меня будто разрывало изнутри. Жар поднимался из глубин чрева к желудку, заставляя его бешено сокращаться. Я буквально стек с кровати и ползком, корчась в муках, добрался до ванной комнаты. Меня вывернуло наизнанку в диких судорогах, и из обоих концов пищеварительного тракта потекла жгучая слизь.

«Чертов доктор!» – подумал я прежде, чем окончательно потерять сознание.

Глава 3

Прошло несколько дней, и тихое потрескивание синтетических поленьев в камине стало уже родным звуком для меня. За время, проведенное в запертой комнате, поленья ни разу не менялись. Конечно, они становились тоньше, а их треск все сильнее, но уже пять ночей они верно охраняли мой сон.

– Они когда-нибудь иссякнут? – ткнул я пальцем в сторону огня, и доктор, усмехнувшись, помотал головой.

– Всему приходит конец. Но эти еще поживут.

Мы сидели напротив камина и играли в настольную игру. У нас была доска с ячейками, два кубика с цифрами-точками и шашки. Доктор назвал эту игру «Нардами» и учил меня, что тут к чему. Информация легко усваивалась, но обыграть врача было невозможно. Мне постоянно выпадали совершенно ненужные цифры, в то время как мой соперник был явно на коне.

Приятная темная ночь. Приятная во многом потому, что я, наконец-то, очнулся от своих кошмаров. Доктор сказал, что он выхаживал меня все эти дни, но я то приходил в чувство, то снова впадал в забытие. И решительно ничего не помнил. Лишь один сон о связанной змее, от которого до сих пор было жутко. В остальные часы повторялось одно и то же: боль, беспомощность, механически рокочущая тьма, вспышки, скрежет зубов и когтей, жаждущих добраться до меня. И так до бесконечности. Шепчущие на неизвестных языках голоса, неправильные силуэты. «Ну, и приснится же бред!» – нахмурился я, пытаюсь унять вдруг заболевший живот.

– Что, опять? – угрюмо посмотрел на меня Док.

Я лишь отмахнулся от его вопроса:

– Снова не успеваю перетащить эти шашки! Что же тут не так?! Все, следующую партию я играю белыми!

– Ты еще и эту не закончил, – нравоучительно выставил кривой палец врач.

– Дааа, – протянул я, – с такими темпами я никогда не узнаю твое имя.

Доктор молчал, делая умное лицо, но я видел, как изнутри его распирает смех. Мы заключили с ним пари: он скажет свое имя, если сумею одолеть его в этой дурацкой игре. Я решил, что это будет легко, хоть и впервые видел ее, но вот уже в третий раз убеждался в обратном.

– Тут все-таки есть какой-то секрет!

– Конечно, есть! – плеснул врач. – Секреты повсюду! Хитрости, тонкости...

– Угу, – мрачно буркнул я себе под нос и поднялся с пола, чтобы размять онемевшие суставы.

Выпрямить спину – вот, что мне нужно было. Помассировав шею и покрутив головой в разные стороны, я почувствовал прилив новых сил.

Если честно, то было уже невыносимо сидеть в этой комнате. Как только я очнулся и поел, мне захотелось пройтись, подышать. С тех пор прошло уже часов восемь, и силы в буквальном смысле возвращались ко мне. Я будто стал свидетелем, как энергия заполняет организм, отчего ноги мечтали побегать. Мне словно не хватало пары лишних сердцебиений в минуту.

Но вместо этого я неподвижно сидел, согнувшись над этой проклятой доской!

Гнев копьем пронзил мой мозг, но через пару вдохов стало даже неловко от столь неадекватной реакции. Мне следовало быть благодарным и судьбе, и врачу, но меня не покидало чувство бессмысленности всего происходящего. Я подошел к темному окну и посмотрел на свое блеклое отражение. Оттуда на меня глядел уже не совсем мертвец, хотя и человеком с приятной наружностью назвать его язык не поворачивался. Он был слишком напряженным, зажатым, дерганным и сам не понимал, что же его так раздражает в этой уютной теплой обстановке.

Будто в подтверждение моего вопроса, по телу пронеслось приятное ощущение от нежного прикосновения мягкого серого халата. Поддавшись ему, я закрыл глаза и немного успокоился. Вот так, вдох и выдох, вдох и...

– Док, а одежду мне хоть дадут? Или так и щеголять голышом?
– Дадут-дадут, – копошился он с шашками, – только зачем она тебе?
– Что значит «зачем»?! – начал было я.
– Успокойся, дурень, я шучу, – доктор серьезно посмотрел на меня. – Цени свою свободу от одежды. Это редкость.

По моим сдвинутым бровям врач убедился, что я действительно «дурень». Изменив тон, он начал медленно вталкивать в мою пустую голову слова:

– Вот как оденешься, то станешь кем-то. Какой наряд, такая и личность. А ты пока свободен, можешь быть кем угодно.
– Например, дураком без памяти, – отвернулся я снова к окну.
– Дурака в тебе никаким нарядом не прикрыть, – послышался из-за спины тихий ропот врача.

Я бы посмеялся, но легкие все еще болели. Доктор был прав, я был тем, кем был. Скорее никем, чем кем-то. А так хотелось быть хоть кем-нибудь... Я громко выдохнул, раздув щеки, и посмотрел на черное небо. Сквозь полные снега тучи пробивалось бледное сияние. Таинственное, холодное, оно гипнотизировало меня и будто отражало внутреннюю растерянность. Я даже не заметил, как ко мне подошел врач. Все мое внимание было поглощено светиллом, медленно выходящим из-за туч. Сначала показался его краешек, затем половина, а спустя миг месяц полностью вынырнул из своего укрытия. Организм чуть не завыл волком на кусочек Луны.

– Марья, – сорвалось с губ.
– Что? – недоуменно спросил доктор.

Его вопрос живо отрезвил меня, будто выхватив из-под власти ночного владыки. Я повернулся в его сторону, а он долго высматривал что-то в моем лице.

– Ты сказал... «Мария»?

- Наверно... – я не знал, о чем говорит Док.
- Да еще со странным акцентом...

Я лишь пожал плечами. Да, у меня была какая-то мысль в голове, но голос доктора прогнал ее.

- Это Луна, ты же знаешь?
- Знаю.
- Хорошо, – протянул врач. – А то еще одного Михалыча мне тут не надо.
- Кого?
- Михалыча. Это он научил меня играть в Нарды.
- Так вот, кто виноват в моих сегодняшних муках! – уселся я перед камином...

Михалыч. Оказывается, это было чье-то имя. А я уж думал, что это очередное оскорбление.

- Что за имя такое, «Михалыч»?
- Это не имя. Это отчество. Имя отца, примененное к сыну.
- Зачем?
- Ну, у них так принято, – махнул рукой Док. – Я просто не знаю, как его зовут, а он постоянно называет себя «Михалычем». Да, нам выговорить сложно, но звучит колоритно, не находишь? Михалыч очень гордится таким обращением.
- Какой смысл называть себя именем отца?
- Отца звали Михаил. А Михалыч – это как бы ответ на вопрос «чей сын?». Ми-хай-лович, – проговорил по слогам Док. – «Михалыч» проще...
- Да уж...
- Ага, это самая меньшая странность Михалыча, – по-доброму заулыбался Док.

Я хотел подтрунить над этим «отчеством», но что-то внутри меня подсказывало, что тут не над чем смеяться. Сын своего отца – здесь была сокрыта какая-то философия. Наверное, простая и одновременно глубокая...

- Да уж, – задумчиво повторил я.

Был ли у меня отец? А мать? Где мои корни? И есть ли вообще у меня корни? Быть может, я совсем один? От мысли о корнях снова разболелся живот.

- А кто такой этот Мих... халыч? – довольно легкое слово никак не укладывалось на моем словно окостеневшем языке.
- Один чокнутый русский.
- Как я?
- Нет, по-другому чокнутый. Но тоже интересный.
- Расскажи.
- Да что тут рассказывать? Бывают любопытные люди, которые не похожи на остальных. Вот и Михалыч такой.
- Русский – это кто?
- Родом из других краев.
- Несиднеевец?
- О, даже говоришь, как он!

- Это как?
- Слова искажаешь! Ну, кто такой «Несиднеевиц»?
- Это Михалыч! – торжественно завершил я логическую цепь, рассмешив доктора.
- Вас явно надо познакомить! – сквозь хохот утвердил врач.

Немного успокоившись, он продолжил:

– Сидней – это Австралия. Страна такая когда-то была. Мы – австралийцы, граждане Сиднея.

- «Кучка выживших» мне больше по душе, – перебил я его.
- Кучкой мы были в самом начале истории. Мы давно уже полноценные горожане.
- Что бы это значило?

В ответ доктор просто махнул рукой. Ему было не по плечу объяснить мне такую сложную вещь, как «часть городского сообщества».

– А Михалыч... его родители приехали сюда издалека. Они говорили, что там, где они жили раньше, было не меньше снега зимой. Представляешь? Кто-то добровольно селится в таких условиях! Михалыч родился здесь, уже после катастрофы. Но он все равно считает себя русским. Видимо, тешит самолюбие. В общем, хочет быть русским – никто не запрещает, тем более что ныне это не значит ничего, кроме старческой сентиментальности... лишь бы работал наравне со всеми.

– Раз знает свои корни, то нет ничего плохого в том, чтобы хотеть оставить их в своей памяти.

Доктор прервался и серьезно посмотрел на меня. Он явно не ожидал услышать нечто подобное от пустоголового найденыша. Да я и сам не сразу понял, что сказал, но мне тут же стал ясен смысл того, почему Михалыч называл себя в честь отца. Не выдержав гнетущей тишины, я попытался вернуть разговор в прежнее русло:

- А это далеко отсюда? Русские земли.
- Очень! – одной интонации доктора было достаточно, чтобы представить себе масштаб пути до мифической страны, откуда прибыли родители Михалыча. Этот мир был, видимо, значительно больше, чем казалось из окна моей комнаты.
- А почему ты вообще о нем вспомнил?

Врач слегка растерялся от моего вопроса, но все-таки неуверенно ответил:

- Да твоя «Мария» напомнила... Рассказывал мне Михалыч старинные предания, там часто Мария фигурирует.
- Например?
- Ну... это тебе надо у него спрашивать. Там все очень сложно. Сплошные символы и знаки.
- Знаки... Следуя им, обладатель пояса правильно проложит свой путь... – прошептал я.
- Эээ... ты о чем? – нахмурился Док.
- Да.. так... что-то в голову пришла фраза... Может, из сна какого-нибудь...

Врач дернул бровями, мол, «бывает...», но решил продолжить нечаянно оброненную мной фразу:

- Ты прав. Знаки действительно указывают путь.
- Если они путеводные, – произнес я просто для поддержания диалога.
- Любой знак путеводный, – поправил меня Док, что вызвало мое недоверие.
- Ну, прям! Например?
- Без примеров. Просто обдумай это.
- Хитрец. Хоть бы подсказку дал...

Доктор потерял свою жиденькую бородку и поддался:

– Ну, хорошо. Не зря ж мы тут Михалыча вспомнили. Сейчас расскажу тебе что-нибудь из его «сказок», но не жди прямого ответа. Ведь так неинтересно!

– Как скажешь, Док. – закатил я глаза. – Мне уже все равно. Торчу тут взаперти...

– Для твоей же пользы.

– Да-да... рассказывай свои байки.

– Так, погоди... С чего бы начать... – задумался доктор.

– Значит, был такой северный Вотан... Таких, как он, раньше называли «шаманами». Это те, кто нам дал медицину. Мои профессиональные предшественники, можно сказать. Но функции шаманов выходили далеко за пределы одной только медицины. И дело тут не столько в специальных навыках, сколько в самом мировоззрении, где нет отдельных направлений, все свито воедино, в одну всеобщую концепцию... Например, шаман мог договориться с болезнью. Представляешь, договориться! Эти древние люди как-то совсем иначе мыслили и многим вещам, которых не увидишь и не потрогаешь, придавали вполне осязаемую форму. Весьма замысловатую, надо сказать, даже дикую и совсем не изящную. Но зато с этой формой уже можно было договариваться или еще что-нибудь вытворять. Все это силой своего ума. Если познакомишься с Михалычем, попроси показать тебе его коллекцию картинок с узорами и символами. Простые закорючки, но в них укладывался целый пласт представлений! И люди пользовались ими в жизни как инструментами и средствами. И не только ими, но и фигурами, идолами...

– Болванами, – перебил я его, – пустышками для заточения духов.

Доктор мгновенно умолк. Молчал и я. Рассказ врача пробудил во мне какую-то логическую цепь, приведшую к умозаключению или воспоминанию. И кажется, я получил свою пару лишних сердцебиений в минуту. Стало жутко оттого, что где-то внутри меня хранится информация, из-за которой я могу прослыть еще одним «Чокнутым Михалычем». Понимая, что надо дать Доку какой-то ответ, я сразу выкинул белый флаг:

– Я не знаю, что я сейчас сказал. Можешь не пытаться меня вопросами.

Доктор что-то помыслил, выразив это многозначительным «Хм...», потом еще одним «Хм», но решил продолжить свой рассказ:

– Да, именно так это слово по-русски и звучит, – он еще раз оценочно посмотрел на меня. – И в твоих словах есть смысл. Вместилище – вполне подходит. Само по себе бессмысленно, если не наполнить его духом.

Доктор замолчал, а я не мог сообразить, к чему он вообще начал свой рассказ о шаманах и болванах, поэтому нервным жестом намекнул ему, что надо бы продолжить сию историю.

- Как лечили шаманы, знаешь? – спросил он.
- Предполагаю.
- А как обходились, когда под рукой не было нужной травы?
- Искали замену?
- Ну... почти. Просто меняли свойства той, что была.
- Это как?
- А вот так! Обращались к духу растений. Как говорит Михалыч, к «Роду» растений.
- В смысле?
- Ну... как тебе объяснить? Любое растение ценно самой своей принадлежностью к роду растений. Ты же можешь отличить растение от, скажем, кресла, так?
- Конечно.
- Вот то-то и важно. Кресло тебя не вылечит, а растение вылечит...
- Но не всякое ж растение!
- Будь ты шаманом, не сказал бы такого. А просто бы обратился к Роду растений и применил бы его по назначению...
- Я... ничего не понимаю.
- А я и не обещал тебе прямых ответов, помнишь?

Еще один громкий выдох надул мои щеки. Доктор юлил, как мог, лишь бы запутать меня.

- Так причем тут наша тема?
- Ах, да... Наша тема. Висел, значит, Вотан однажды на дереве девять дней и ночей и в результате открыл первые руны – это специальные символы, которые вырезали на камнях. Одновременно, и слова, и буквы, и заклинания, и инструменты... Этот же Вотан подарил миру дар поэзии.
- Ух... – голова уже успела закипеть от непонятных намеков, но доктор продолжал свой рассказ.
- Пока мудрый Вотан открывал свои руны и песни, на другом конце Земли люди поклонялись прекрасной Сарасвати, белой водной богине.
- Тоже шаманка?
- Скажем так, она тоже открыла людям и поэзию, и законы жизни, и науку.
- Ясно...
- В это же время в третьем конце большого континента народ восхвалял Гермеса, который подарил людям алфавит и музыку, а также был посредником между нашим миром и тем, другим. А еще южнее, там, где солнце круглый год пекло землю, что ныне представляется весьма маловероятным, славили Тота, который изобрел письмена и числа, обучил человечество мудрости и открыл науки...
- Ага... значит, первооткрыватели. Музыка, буквы, цифры, руны. Тут и литература, и математика, и песни. Все такие разные.
- А ты не разъединяй, а объединяй. – Док поймал мой взгляд и аккуратно проговорил, снизив тон. – Ведь Бог един и вездесущ.

На какой-то миг вся картина увязалась в моей голове, но не успел я начать ликовать, как все тут же рассыпалось на осколки. Я потерял нить. Тело пробило током гнева, и из глубин горла вырвался суровый рык. Врач, наверно, мысленно посмеялся надо мной. Чертов умник!

В этот момент огонь в камине угас. В комнате стало очень темно.

«Конец», – пронеслось в мыслях. Доктор тоже заметил, что было уже довольно поздно, и торопливо собрал с пола нарды.

– Тебе пора отдыхать, – посоветовал он. – Эмоциональное перевозбуждение тебе сейчас ни к чему.

И действительно, я чувствовал себя полностью выжатым.

– Выпей настойку, которую я тебе принес.

– О, нет! – заскулил я.

– Эта попроще. Обещаю, тебе не будет столь противно.

– Противно? Да меня же вывернуло наизнанку!

– Ты кто: неженка или бык? В конце-то концов...

Доктор замотал головой и удалился из комнаты, оставив меня в не лучшем расположении духа.

Хотя следовало признать: философское настроение моего врача было заразительным, и я в очередной раз глянул в окно. Но там меня по-прежнему ждала лишь снежная тьма, и ничего более. Доктор ошибся, сказав, что огонь в камине еще поживет. Глядя на тонкую струйку дыма от синтетических углей, я задумался, а не ошибается ли Док так же насчет моего здоровья? С этими мыслями я подкинул в камин новых дров, разжег огонь, выпил, сморщившись, рекомендованную мне желтоватую настойку, отметив, что врач соврал насчет ее «непротивности», скинул свой пушистый халат и погрузился в теплоту толстых одеял.

Я устал. Я очень сильно устал. Устал от ничегонеделания и от неизвестности. Но сегодняшние эмоциональные всплески намекнули мне, что где-то в темных глубинах моего сознания еще живут воспоминания. И что самое главное – до них можно достучаться. Я пока не знал, как именно, но тень надежды скромно поселилась там, откуда пробивались ростки памяти.

Я размышлял о Михалыче и его байках о шаманах, болванах, знаках... Объединяй, а не разъединяй. Бог един... Круговорот образов нежно тянул меня на дно сновидений.

Первое, что я увидел, – уже знакомый мне сюжет. Гигантский огненный шар падает в воды океана. На какой-то момент мне показалось, что это не шар вовсе, а птица. Возможно, даже лебедь...

В следующий момент я стоял на маленьком и мокром клочке земли посреди темных вод. Под ногами проступали неизвестные мне знаки. Или это были буквы? Сон не давал прочесть их.

За спиной раздался хриплый голос:

«Умеешь ты резать?

Умеешь разгадывать?

Умеешь раскрасить?

Умеешь ты спрашивать?

Умеешь молиться?

Умеешь ты жертвовать?

Умеешь ты жечь?»

Я обернулся и увидел знакомое мне поле. И все то же дерево. На его стволе висел человек в черном плаще. Его руки были привязаны к ветвям, на шее петля, а на плечах сидели два ворона. Одна из птиц кинулась на меня и повалила наземь...

...Я шел по широкому пшеничному полю, стебли растений доходили мне до пояса. Впереди закатывалось золотое солнце, ослепляя своим светом. Я услышал крик ворон и обернулся. Рядом со мной возвышался огромный столб с перекладиной. К нему было приколочено пугало из черных одежд, набитых соломой. Гвоздь в ноги, по гвоздю в раскинутые руки. Пугало злобно смотрело на меня свысока своими глазами, нарисованными на мешке, представляющем голову, привязанную веревкой за шею к столбу. Целая стая ворон хищно сновала вокруг меня. Некоторые из них сидели на плечах и руках пугала. Одна из них кинулась на меня...

...Я стоял посреди пустоши вдали от высоких городских стен. Передо мной возвышался крест с распятым человеком. На его голове лежал окровавленный терновый венок. Где-то в небе мелькал силуэт ворона. И мне показалось, что он хочет выклевывать мне глаз...

Нечто схватило меня за руку, вырвав из сюжета. Я оказался в каком-то темном месте, а руку держала обнаженная девушка с мешком на голове, сквозь прорези в котором горели змеиные глаза. Вместо одежды ее тело опутывала серебристая тонкая паутинка.

– Я думал, ты мертва... – хотел сказать я.

В ответ она приложила палец к губам, советуя замолчать.

– Не пей! Это яд!

Я хотел спросить, что она имеет в виду, но девушка отошла назад и скрылась в тени. Сквозь тьму я мог уловить лишь ее стройный силуэт.

– Не пей! – вновь послышался ее шепот.

Я открыл глаза посреди ночи. Меня вновь мутило, и я сильно желал, чтобы это было не так жестоко, как в прошлый раз. Через несколько секунд меня уже тошнило в туалете. Вечно этот доктор приукрашивает пользу своих зелий...

Глава 4

Холодная поверхность окна заставляла плечо отдергиваться при каждом соприкосновении. Я сидел на полу в углу комнаты, рядом с этой огромной стеклянной стеной, глядя на спящий снежный мир, укутанный в сумрак. Где-то за горизонтом солнце уже начало свое неторопливое восхождение, но это было едва заметно по медленно меняющемуся оттенку тяжелых туч от черного до темного индиго.

Снег, валивший с неба всю ночь, прекратился, и воздух стал сырым и чистым. Впервые за почти неделю моего пребывания в этой жизни мне захотелось впустить его морозный поток в свои несчастные легкие. Будто один леденящий вдох мог как-то поспособствовать моему выздоровлению.

Меня разбудила ноющая боль в запястье, словно призрак потянул за руку. Призраки... каждая ночь насыщена ими. Мне видятся вещи, которых я не понимаю. Они наполняют меня сомнениями и вопросами, на которые я просто не могу найти ответов в яви. Потому, что действительность была еще хуже. Я даже не знал, откуда начинать свои поиски и в каком направлении двигаться. И чувство, что я вот-вот проснусь от той реальности, в которой оказался, не покидало меня ни на секунду. Забавный сон, который затмевает весь твой разум, и когда ты хочешь очнуться, он снова затягивает тебя в свой липкий мир. Будто тебе не хватает еще одного увиденного сюжета, всего одной сцены, маленькой части, чтобы сложить из кусочков свой билет на волю.

Открыв глаза, я обнаружил себя на полу – снова упал с кровати во сне, даже не заметив этого. Огонь в камине еле слышно трещал, аккомпанируя гулу ветра в вентиляции. Отбрасываемые тени мирно ожидали моего пробуждения. Поднимаясь, я задел ногой маленькую склянку из-под тошнотворного зелья врача, отчего она покатилась в сторону окна.

Я не мог больше спать, как и не мог больше находиться в этой тесной и душной комнате. Тени смотрели на меня, давая своими вопросами, а стены комнаты с деревянной отделкой все больше напоминали огромных размеров гроб. Досада горьким комом поднималась к горлу, мешая дышать и здраво мыслить. Мне захотелось бежать из своего заточения: выломать запертую дверь, разбить дразнящее окно, сделать хоть что-нибудь ради свободы!

От нахлынувшей ярости я вскочил на ноги. Я уничтожу эту клетку! Но от первого же шага ноги сами собой подкосились, и я рухнул на пол. Тени дернулись, будто захихикав над моими онемевшими конечностями, и я в гневе ударил кулаком по полу.

Удар был столь сильным, что боль молниеносно отразилась в плече и затылке. Разбитый, я сел, оперевшись спиной о кровать. Сгибая-разгибая кулак, я удивлялся своей глупости и агрессивности. «Лишь эмоции, парень, лишь злость... Все будет хорошо...»

Мои ноги... Доктор не знал об этом: они болели с тех самых пор, как меня заперли в этой проклятой комнате. Возможно, боль была и раньше, но все, что происходило до комнаты, представлялось мне весьма смутно. Мой мир по-настоящему начался с широкой кровати и толстых одеял, камина и запертой двери. Прочее оставалось лишь сном, который был практически неотличим от яви. И кто знает, может, пейзаж за окном – лишь картинка, рисуемая моим потерянным воображением?

Я не говорил о своей боли и никак не выказывал ее все это время из-за боязни показаться совсем беззащитным. Мне не хотелось, чтобы Доктор знал, что я даже уйти далеко не могу. Это была даже не боль, скорее слабость. Ноги не желали носить мое тело, и стоило больших трудов скрывать данный факт. Надо отдать себе должное: из-за своей игры перед врачом, мне приходилось усилием воли передвигаться по комнате, тем самым тренируя конечности. И, кажется, результаты были неплохими – за шесть дней я практически заново научился ходить.

С одной стороны, это меня радовало – совсем скоро я смогу выбраться из своей темницы. Но само слово «скоро» все же больше огорчало. Ведь «скоро» – это «когда-нибудь», одновременно и неопределенность, и ожидание. Хватит ли терпения?

Я встал на четвереньки, затем поднялся на ноги, и, собрав волю в кулак, начал движение. Шаг, второй, третий, левая нога онемела, четвертый, пятый, мышцы начали гореть, шестой... седьмой... Еще один шаг, и я оказался у окна.

Живот по-прежнему болел, обещая, что это ощущение будет со мной постоянно. Возможно, я даже смогу к нему привыкнуть. Словно в ответ, кишечник злобно заурчал, что слегка насмешило меня. «Видишь, мы с тобой уже общаемся!» – пробубнил я, на что живот выдал мне свой недовольный рык.

Я опустился на пол и отполз в угол комнаты вдоль окна, куда откатилась пустая склянка. Ее поверхность поблескивала в темноте, отражая неровный красноватый свет огня в камине. Во мраке еще не начавшегося утра она выглядела даже более жуткой. Источник моих новых сомнений и причина ворчания кишечника. Маленький оформленный кусочек стекла, решающий мое будущее.

«Это – яд!» – сказала змеедева во сне. Стоит ли ей верить?
«Не пей!» – отразилось в моем животе.

Мог ли я решить, что с этим делать? Если реальность была продолжением сна, то мне следовало идти за сюжетом, не так ли? Или же здесь нужно остановиться и понять, что ничего хорошего вокруг происходящее принести не может и лишь затягивает меня в свой неведомый сценарий для, опять же, неизвестных мне целей? Проснусь я в конце или же погибну? Или разницы уже не существует? Мысли сплетались во все больший узел.

Успокаивая ушибленную руку, я тронул холодную поверхность окна. Свобода, простирающаяся за ним, была жестокой и убийственной. Ледяная стихия, не щадящая ничего вокруг. Засыпанный снегом мир и живущее на его задворках поколение, к которому я даже не хотел себя причислять. Я не такой, я не отсюда. Я хочу домой!

Наливающийся пурпуром горизонт, показал первые оттенки просыпающегося солнца – кровавые трещины в облачном покрове. Словно окошки между мирами. Там, за тучами, все еще были возможны яркие природные цвета, полные жизни и восторга. Багровое небо дразнило меня сквозь неровные щели, давало надежду и одновременно отбирало ее своей недостижимостью. Я будто находился на границе двух вселенных: в той, что была темна и непонятна, я очнулся шесть дней назад, а от вида другой, далекой и прекрасной, на глаза наворачивались слезы.

Сияние становилось все ярче, и в каждом новом оттенке сердце обретало радость. Я мог смотреть на световое представление бесконечно, уходя все глубже в свои размышления и находя там все больше несоответствий действительности. Пальцы без конца теребили стеклянный пузырек, кожа впитывала столь редкие лучи восходящего светила.

– Что же ты сидишь у окна совсем раздетый! – внезапно выдернул меня из оцепенения возмущенный крик доктора.

Он стоял рядом с распахнутой дверью с выражением сильного негодования на лице. Врач стремительно направился ко мне, хватая на ходу одеяло с кровати. Мне хотелось парировать его выпад, но губы не шевелились. Я только сейчас понял, что совсем замерз.

Могу представить, какой ужас испытал доктор, видя своего пациента, недавно вытасченного из-под снега, забившимся в холодный угол и пренебрегшим всякими правилами выздоровления.

– На полу! У окна! – не унимался врач, поднимая меня на ноги и укутывая в одеяло. – Ты решил, видимо, совсем добить себя!

Где-то из глубин памяти всплыла шутка про «Священного быка», потянувшая за собой понимание гнева доктора. Я был очень ценным товаром, меня нужно беречь и лечить... Рука крепко сжала склянку. Лечить? Или травить? Видя, как доктор заботливо пытается согреть меня, я усомнился в доверии к самому себе. Этот человек старается меня спасти, а я вместо благодарности выдумывал коварные планы, стоящие за обычной заботой. Мне было легче поверить мифической змеиной девушке из бредового сна, чем простому человеку, из-за которого я все еще не сгинул?

Стыд подталкивал меня попросить прощения за небрежность, но вместо этого я произнес:

– А почему мне снится лето?

Доктор даже не сразу услышал меня, продолжая ругать. Вопрос медленно крался сквозь его уши к мозгу, создавая связи и подгоняя шаблоны. Спустя несколько секунд врач замер и отстранился. Его серьезный прищур окинул мое бледное лицо, брови нахмурились.

– Прости, что? – наконец, произнес он.

Я так же выдержал несколько секунд, пытаюсь создать барьер между нами, сам не зная, для чего.

– Лето. Зелень. Солнце. Тепло. Мне все это снится.

Лицо доктора еще больше помрачнело. Глаза бегали в соответствии с метанием мыслей в голове. Признаться, я и сам был удивлен своим вопросом. Не самим фактом его возникновения, а тем существом, которое задало его. Нечто довольно жестокое, ведь ему нравилось наблюдать за неуверенностью, охватившей доктора. Он растерялся, и я этим явно наслаждался.

– Может быть, дело в картине над камином? Там лес нарисован, – доктор потянулся за спасительной мыслью. Но я лишь безмолвно покачал головой.

Врач и сам понимал, что это слабая версия. Да, на картине был изображен зеленый солнечный лес. Но маленькая картинка не может развиваться в ощущение солнечного тепла на коже во сне, если ты живешь в снежном мире.

– А еще океаны и птицы, – спокойно продолжил я, ввергая врача в новую пучину растерянности. – Они тоже на картине?

В полной тишине комнаты существо внутри меня вдруг начало расти, забирая остатки моего разума. Я буквально каждой клеткой стал ощущать невероятный прилив сил, возвышающий меня над врачом. Мои ноги были крепки, как никогда, а ум кристально чист. Пьянящее чувство вседозволенности требовало от меня действий. Оттолкнуть Дока и выйти вон из комнаты. Мне следовало бы одернуть себя и спросить, что тут происходит, но после всего, что я вытерпел, беспомощно валясь на кровати, без воли даже подняться, страдая от болей, мне совершенно не хотелось снова приходить в себя, если это подразумевало слабость и нерешительность.

Я смотрел на доктора обжигающим взглядом, чего он заметно испугался. И в его глазах я уловил что-то очень знакомое. Сцена из недавнего прошлого, когда меня впервые привели к нему на осмотр. Я начал вспоминать...

– У тебя жар, – коротко сказал врач. – Присядь.

Но мне не хотелось сидеть. Я стоял, как вкопанный, на своих сильных ногах.

– Я сказал тебе сесть! – с силой толкнул меня доктор, опрокинув на кровать.

Вся моя мощь мгновенно разбилась о постель, оставив худое тело на простыне. Я даже не успел отреагировать, а доктор уже вкалывал мне какой-то препарат.

– Сейчас полегчает, – спокойно произнес он. – Ты дезориентирован, замерз, напуган. Потерпи, это пройдет.

Его голос, монотонно проговаривающий слова, успокаивающе действовал на мое потерявшееся сознание. Я верил ему. И лишь остатки памяти об испытанной только что силе удерживали меня на пределе осторожности. Врач умирал, объяснял, что происходит. Или же программировал мое поведение?

От противоречий голова готова была взорваться, и я зарычал. Не как человек, но как отчаявшийся зверь. Протяжный дикий вопль прервал причитания доктора.

– Хватит! – наконец обессиленно выдохнул я. – Прекрати.

Мне не хватило дыхания, чтобы произнести последнее слово, и все мои слова слились в усталый смех.

– Ах, ты ж хитрец... – хрипло протянул я, косясь на доктора.

Врач сел рядом со мной, по-отечески положил руку на мою голову, и искренне посочувствовал моему положению, скривив лицо.

– Что такое? – жалобно произнес он. – Что с тобой?

Тепло от его ладони растекалось по моему организму, принося покой и безопасность. И я был благодарен этому человеку за все.

– Я не могу убежать, Док. Не могу...

Темнота была довольно долгой. Пару часов не происходило ровным счетом ничего. Один лишь мрак и давящий покой. Но чем ближе подкрадывался момент пробуждения, тем больше ощущений всплывали из памяти. Сквозь вязкую тьму я чувствовал липкий снег, готовый обратиться дождем в любой момент; он хлестал меня по лицу, за что-то ненавидя. Он был повсюду и нигде одновременно. Сердце сжималось от ощущения безысходности и несправедливости... Но яркие лучи солнца, гуляющие по векам, заставили проснуться, вернуться в светлую реальность. Закрываясь от света, я перекатился на бок и с удивлением обнаружил прекрасное лицо, с любопытством глядящее на меня.

Золотые волосы, слегка завиваясь, падали на одетые в белый врачебный халат плечи. Нежные руки были сложены на коленях. Девушка встревожилась от моего пробуждения и, стыдясь, стала прятать свои голубые глаза, еще недавно, видимо, исследующие меня.

Не осознавая, где я и кто передо мной, я рефлекторно улыбнулся солнечной незнакомке. И, видимо, это было не так изящно, как я себе мог бы представить, потому что девушка не смогла сдержать хохот.

«О, да, мужик, ты неотразим», – иронично подумал я. Но судя по тому, что моя спутница залилась еще большим смехом, я произнес это вслух.

– Раз уж так пошло, не могла бы ты помочь мне подняться? – словно с похмелья, обратился я к ней, рассчитывая на мгновенный положительный ответ, но незнакомка лишь дернула одной бровью, громко выдохнула, плеснула руками и вышла из комнаты.

«И птичка упорхнула», – проговорил я в подушку.

Отходить от снотворного или успокоительного (или что мне вколол Док?) было тяжело. Тело не слушало приказы мозга, который напоминал сейчас маленького зануду с рупором, безуспешно, что есть силы, кричащего на неорганизованную толпу чувств, не желающих ему повиноваться.

Спустя несколько бесконечных минут в мире, вдруг потерявшем счет времени, когда нос уже начал болеть от давления в подушку, я решил заставить себя перекатиться на спину. Комната перевернулась, и мой взгляд устремился в белый потолок. Врачебный кабинет... разумеется.

– Логово монстра! – прохрипел словно не мой голос.
– Вот как ты обо мне думаешь?! – донеслось удивление доктора.
– Черт, Док, – я медленно оторвал голову от подушки. – Я думал, тебя тут нет... Ушел куда-нибудь... Точить ножи, разводить костры... Варить яды...

Доктор старательно делал вид, что не замечает моего настроения и нелепых фраз. И меня это только раздражало. Хоть бы одну эмоцию выдал! Как тогда, когда впервые...

– Ты же боишься меня! – перевел я свои размышления в речь.
– С чего бы?
– Хех, нееет. Боишься! Я помню! – я произнес это так, будто воспоминания – это мое главное оружие против всего мира.
– И что же ты помнишь? – голос Дока был неестественно спокоен.
– Твой страх! – я сделал усилие и, отыскав доктора, посмотрел ему прямо в глаза. Будто зрительный контакт сможет вернуть мне те ощущения, когда мы взаимно тонули друг в друге во время первого осмотра. Но сейчас этого не происходило. Более того, мое поведение веселило старика.

Но я-то действительно помнил! Тот короткий миг в комнате, когда тело готово было взлететь от распирающей изнутри энергии, прояснил воспоминания первого дня моего пребывания здесь. Их было не так много, но зато они стали четче. Детали, лица, слова – все то, что мне еще предстояло анализировать.

– Конечно, я тебя боюсь, – сел ко мне на больничную койку Док. – Явился неизвестно откуда, не помнишь ничего, проявляешь необоснованную агрессию. Есть повод волноваться.

Логичный сукин сын! Врач был неприятно убедителен.

– Я говорю о другом... – на этом месте меня вновь содрогнуло от волны воспоминаний. – А как ты это делаешь?!
– Что?
– От твоих рук исходит такая энергия! Тепло, электричество. Я же помню! – в очередной раз вооружился я этим словом.

Врач не хотел объяснять, но понимал, что деваться ему некуда.

– Я учился кое-каким практикам, – единственное, что сказал он, будто веря, что его ответ вполне себе исчерпывающий.

В кабинет вошла моя солнечная незнакомка. В ее руках лежал поднос с едой. С долгожданной едой! Голод просто выль во мне, подобно ветру за окном. Едва переступив порог комнаты, она тут же заулыбалась, заставляя меня испытывать... кажется, это было стеснение.

Доктор, скорей всего, наказал ей следить за мной и принести еды по пробуждению. Но сейчас он видел нашу взаимную реакцию и не удержался от комментария:

– Ты смотри, как покраснелся! – начал он еще больше топить меня в океане стыда. – Девушек что ли ни разу не видел?

Я старался выглядеть серьезным и оскорбленным одновременно:

– Меня только что откопали из-под снега!

Доктор улыбнулся моей попытке, одобрительно кивнув головой. Мне же показалось, что он готов уже закопать меня обратно, если я продолжу вести себя так нестабильно.

– Прости меня, Док, – опустил я голову. – Я сам не свой.

Вместо слов, врач похлопал меня по плечу. Он прекрасно понимал, что даже эта фраза не может описать моего состояния. Ведь возникает вопрос, а какой я, когда «свой»?

– Надо было раньше тебя выпустить из комнаты, – хотел ответно извиниться Док, но меня увлекли воспоминания, только что проявленные во сне, поэтому я перестал его слушать.

Снег, ветер... Откуда этот сюжет? От моего пребывания на окраине города? Снег падает на лицо, обжигая кожу...

В голове рисовалась картина идущего человека. Вокруг простиралась ночь, а классические черные брюки и белая рубашка совсем не согревали. Всюду неистово кружил снег, на волосах – изморось. Галстук то и дело стремился улететь вместе с порывами ветра. Замерзшие ноги, одетые в легкую обувь, ступали по холодному асфальту. И мне стало очень жалко этого человека. Он гордо держался, несмотря на снежную атаку, нещадно хлеставшую его щеки, покрытые мелкой щетиной, но опущенные плечи и полные досады глаза выдавали его усталость.

– Ау! Ты где? – послышался сквозь видение голос доктора. Я пытался отмахнуться от него, но картина бредущего сквозь снег парня начала таять, возвращая меня обратно, и это заметно разозлило меня.

Док, почуяв мою возможную буйную реакцию на его вмешательство, предусмотрительно сделал шаг назад, но я только потряс тяжелой головой, разгоняя туман видения. Удивляться ему у меня не было сил, слишком эмоциональным выдался день... Истошающим. Видение уступило место сознанию, спрятавшись в темных коридорах мозговых извилин, в комнате снова стало светло. На меня смотрели два вопросительных лица.

Молодая помощница доктора с недоверием в голосе спросила:

– И часто с ним такое?

– Сегодня у него какое-то обострение, – ответил ей врач.

Меня задевало то, что они общались так, словно меня тут не было.

– Я вам еще покажу, что такое обострение, – проворчал сам себе под нос.

– Бу-бу-бу, – передразнила меня девушка, выбив из колеи.

Захотелось и ударить ее, и рассмеяться одновременно. Я выбрал глупое молчание.

– Вот твоя порция еды, – радостно заговорил Док, – а вот и еще одно лекарство.

Врач достал очередную склянку с чем-то мутным внутри.

– Это что за отравка?! – внезапно выпалил я от одного только вида лекарства.
– Ты просто пей и не болтай, – был мне ответ.

Я поднял обе руки, сдаваясь, после чего принял поднос с горячей едой, один запах которой набивал рот жадной слюной. И это, пожалуй, был лучший момент за сегодняшний день.

– Ах, да, чуть не забыл. Вот, нашел для тебя. Хотел вручить утром, но...

Доктор вытащил из своей сумки небольшую по размеру, но толстую книгу. Ее матовая поверхность поглощала свет ламп. Я принял подарок от врача и начал вертеть его. Сине-серая обложка не содержала никакой информации, кроме единственного символа – перекрестья нескольких линий: длинная ось, заканчивающаяся разветвлением на три части, и пересекающие ее две симметрично изогнутые линии. Знак в своей простой условной манере напоминал одновременно несколько фигур: и дерево, и какое-то страшное живое существо, и насекомое, и еще что-то... Не самая привлекательная картинка для лицевой стороны книги. В правом верхнем углу книги приводилось имя автора – Михаил Гривин.

Я вопросительно поднял глаза на Доктора.

– Михаил?

– Ага, отец Михалыча... – загадочно подмигнул мне доктор и направился к выходу. Вслед за ним вышла и его белокурая помощница.

Оставшись в одиночестве, я провел пальцами по ровной поверхности книги и перевернул ее. На тыльной стороне оказался еще один символ – закручивающаяся спираль... Вернее лабиринт или нечто подобное. Ниже давалась короткая аннотация, которую я не стал читать: узнаю содержание книги из самой книги, а не благодаря рекламному тексту. Меня охватил невероятный трепет. Подарок Доктора заставил мои руки дрожать. И это было еще одной загадкой. Но хотя бы здесь я был уверен, что смогу найти ответ внутри книги.

Открыв ее, я попал на авантитул, повторяющий название книги в виде непонятного символа и имя автора, которое вновь заставило меня содрогнуться. Ниже я увидел логотип издательства и указание на город, в котором была напечатана книга, – Сидней, Австралия.

Так вот, что делали родители Михалыча здесь, в Сиднее! Михаил Гривин приехал сюда из России, чтобы издать на английском языке свою книгу.

По коже пробежал мороз от надвигающихся мыслей. Писатель со своей женой прибыли в столь далекую для них страну, чтобы чем-то поделиться с местными, думая о будущем, и, наверное, волнуясь. Но здесь их настигла катастрофа, навсегда изменившая мир. Амбиции, планы... все ушло в небытие. Лишь кучка везунчиков в заснеженном городе.

Мне вдруг стал окончательно понятен простой и драматический порыв Михалыча оставить имя отца в качестве своего – все, что осталось от никогда не виденной родины.

Не в силах больше думать об этом, я перевернул страницу и начал читать то, что было озаглавлено как «Предисловие»:

«Однажды в детстве я услышал фразу, которая на тот момент показалась мне странной: «чтобы увидеть суть, надо сорвать личину», – начинался текст книги. – Это сказал соседский парень, которого крестили в тот день. Крестили не формально, как теперь, а по-настоящему: со смертью, катабасисом и воскрешением. Уже тогда я слышал о столь важных понятиях, как «Судьба», «Счастье», «Предназначение», которые выражались игрой «сути» и ее многочисленных «ликов».

А еще неподалеку от нашей деревни находилась маленькая церквушка, входить в которую было запрещено почти всегда. Но каждый житель рано или поздно в нее попадал. Старики пугали нас, «любопытных Варвар», что, мол, там живет Баба Яга, и если к ней прийти без спроса, то посадит в печь и сожжет.

Я тогда не знал, что это лишь язык образов, речь сказителей и шаманов, оттого боялся даже близко подходить к противоположному берегу реки, за которой на холме возвышалась ветхая церковь. Сколько ей было лет, никто не знал. «Стояла тут всегда», – говорила бабка. И действительно, каменная кладка стен, странный, не похожий на прочие, крест на маковке, и какая-то зловещая аура так и говорили о невероятной древности строения.

Чувствуется она и сейчас, когда я пишу эти строки, чувствовалась и тогда, когда меня крестили в ней. Крестили не так, как сейчас, а по-настоящему...

Внутри церквушки, помню, висели на стенах иконы: все святые на одно лицо. Похожие позы, похожие жесты, одинаковые одежды. И даже не было подписей, кто есть кто. Но лица и не были важны для жителей нашей деревни, ведь они знали, что любое из них являлось «Им». И этот «Он», выраженный множественным числом, был единственной возможной религией. Даже не религией, а образом мышления...»

Я перевернул страницу и увидел рисунок. Подпись гласила «Иисус Пантократор». Евангелие в одной руке, благословляющий жест пальцами другой руки. А Михаил продолжал свой рассказ:

«Икона – это изображение лика какого-нибудь Святого или же самого Спасителя. Иконы писались затем, чтобы стать посредниками между Божественным миром и земным. Молясь перед иконой, мы направляем наши просьбы тому, кто изображен на ней. Но если для Бабули не было разницы, кто там изображен (выделяла от прочих она только Марию), то что же делать с адресатом молитв? Кто на «той стороне провода»?

Слово Икона (Icon) произошло от греческого «εἰκών», что означает «фигуру, образ, подобие, портрет; отражение; личное описание; сходство, видимость, фантом; узор, архетип», и происходит в свою очередь от «ёюика» – «быть похожим, выглядеть как, казаться, представляться вероятным, быть целесообразным для, уместным, верным, разумным».

Между тем, в русском языке есть слово с тем же корнем. Это коротенькое «Як» или «Яко», применяемое в значениях «как, каким образом; какой, каковой, равно что; ибо, понеже, поелику, потому что, так как; якобы, словно, как будто».

Из чего видно, что суть Иконы заключена в сравнении. Икона – это то, что выглядит как что-то, похоже, подобно, а если быть точнее, то является ПОДХОДЯЩИМ!

То есть Икона – это некий компромисс, договор между Явью и теми нематериальными понятиями, которые хотят выразить кистью. Ведь Божественное никогда не было «из нашего мира». Это идеи, а Икона – это попытка отобразить нечто абстрактное в определенной фиксированной форме, совсем как мы довольно условно рисуем на листе бумаги схематичное изображение какой-либо идеи, комментируя словами: «ДОПУСТИМ, это шкаф/гараж/дерево и т.д.». Мы так делаем, когда хотим что-то объяснить другим. Рука так и тянется нарисовать СХЕМУ и показать наглядно.

Можно нарисовать всю схему простыми прямоугольниками, устно указав или подписав их назначение, а можно проявить чуточку фантазии и попытаться в простейших формах отразить хоть какие-нибудь элементы (атрибуты), делающие наши «прямоугольники» похожими на то, что под ними подразумевается.

Посмотрите на различных «идолов» по всему свету. Где-то это просто глыбы бесформенных камней – совсем, как наши «прямоугольники», а где-то мы видим настоящие произведения искусства, ныне оцениваемые в шестизначные суммы денежного эквивалента.

Но как бы они не выглядели, для древнего человека они составляли одинаковую ценность – ЗНАКИ, отображающие некий смысл, СОЕДИНЯЮЩИЕ идеальный мир (замысел) и реальный. Знаки – это переводчики божественного языка на человеческий.

Порфирий в «Жизни Пифагора» очень точно описал их как инструменты, при помощи которых учителя грамматики и геометрии изображают то, что бестелесно и необъятно – первообразы и первоначала. То есть, выражая звук, учитель рисует букву, выражая космические законы, пифагореец рисовал цифры.

Вот так и вся жизнь, вся Явь состоит из таких же «знаков», выражающих Первообразы. Человек, вследствие своей телесной природы, не может напрямую их видеть. Но он может ежедневно наблюдать их через Веци (от слова «явь, thing, φύσις» и еще более древнего корня «θ»), природу, ощущать их на уровне эмоций, постигать умом. Явь, на самом деле, может научить всему, привести к Богу. Надо только не забывать, что за каждым «знаком» прячутся необъятные просторы божественного.

Как говорил шаман и философ племени сиу Эхака Сапа, мир вокруг есть творение Великого Духа, который пребывает внутри всего: деревьев, трав, рек, гор, животных и птиц. Но он превыше их всех, как и выше человека.

Цифры, буквы, символы, иероглифы – это, по сути, такие же Иконы, хоть и написаны не по церковным канонам, а по более емким и глубинным соображениям, поскольку служат не религиозной цели, а всеобщей духовной коммуникации, выражая широкие идеи. Вот их-то как раз и хотела меня научить видеть бабка.

Эти «Иконы» предназначены для наших глаз, отсюда вытекает слово «ОКО (ōga, oog, aige, ēage, eye, ee; oculis, ѳѳѳѳ, акши)», имеющее тот же корень, что и «εἶκόν». Как говорят в народе, «Видит око далеко, а думка еще дальше». Око видит какую-то определенную, укла-

дывающуюся в нашем мозгу модель этого мира. Показывает нам мир через сложные трехмерные знаки, схематично отражающие идеальный «Божий замысел».

И если на иконе, например, изображен Христос Пантократор, это еще не значит, что создатель этого Знака показывает нам именно человека по имени Иисус... А если мы видим перед собой в лесу Дерево, то это еще не значит, что его Создатель показывает нам только лишь дерево».

Я закрыл книгу и долго смотрел на изображение лабиринта на тыльной стороне... Доктор дал мне ее с какой-то целью? Или же просто оттого, что вчера наш разговор тоже коснулся темы знаков? Во всяком случае, чтение отлично отвлекало от постоянной слабости или возникающих болей в теле. Я решил, что будет полезным прочитать эту книгу от корки до корки, ведь в ней было что-то чарующее, манящее, словно весточка из далекой страны; той, которая теперь существовала только в легендах.

Правило прилежного читателя требовало найти закладку, пусть я и прочитал всего пару страниц. Однако под рукой ничего не оказалось, кроме вязанного красного пледа, в кой я был завернут чуть ли не с головой. Не придумав ничего лучшего, я выдернул из него небольшую крепкую нить и заложил ею страницу. Яркий алый цвет хорошо контрастировал с темными тонами обложки. Я оценил свою находку и принялся поглощать вкусный ужин.

Но меня беспокоило еще и то, что стояло рядом с едой, – лекарство. У меня не было выбора, мне придется его пить, пока тело не станет здоровым. Тем более, что и доктор демонстрировал невероятную заботу обо мне, чего я, возможно, и не заслуживал... Но в то же время мне совершенно не хотелось снова проводить ночь в туалете.

Я крутил склянку в руках так же нервно, как делал это утром. «Выпей и забудь, выпей и забудь! – уговаривал я себя. – Всего лишь лекарство!». Но закончив ужин и окончательно уйдя в свои мысли, я вдруг обнаружил себя преступно избавляющимся от мутной целебной жидкости...

Глава 5

– Просыпайся, пришелец! – громкие хлопки ладонями выдернули меня из ночного забытья.

От резкой смены реальностей меня словно огнем опалило, поэтому я машинально метнул подушку в сторону раздражающего шума. И видимо, попал в цель, потому что сразу же послышалось обидчивое «Ээээй!».

Белокурая помощница стояла в паре метров от кровати, держа подушку на вытянутых руках, и ошарашенно смотрела на меня.

– А... это ты, – процедил я сквозь зубы.

– Да! – ее глаза сузились, а голос угрожающе зашипел. – Это я!

В следующую секунду белая фурия кинулась ко мне, безжалостно избивая несчастной подушкой. Удары были столь сильны, что мое тело еле терпело их, все больше сворачиваясь в клубок. Я даже не мог отличить вырывающиеся из меня крики боли от хохота. Это было смешно, по-настоящему смешно. И в то же время крайне неприятно.

– Мы его тут лечим, а он швыряет в нас вещи! – запыхавшись, проговорил мой палач.

Она устала и села рядом, сдаваясь перед моим беспомощным смехом. Ее золотые волосы растрепались, но лицо не перестало быть прекрасным, несмотря на полный, как казалось, отвращения взгляд.

– Ты очень агрессивна, – попытался серьезно сказать я. В ответ она лишь закатила глаза.

Я еще не успел перевести дух, но мое тело уже намеревалось отреагировать на нарушение интимного пространства противоположным полом. От смущения я прикусил губу и попытался отстраниться.

Словно читая эти стыдливые мысли, девушка вдруг опустила взгляд на мое обнаженное тело, едва прикрытое мятым одеялом, и через несколько секунд созерцания вдруг заторопилась подняться с кровати.

– Сегодня будешь завтракать в столовой, – быстро сказала она.

– Да? Хорошо! – ответил я, но сам не особо вник в ее фразу, поскольку был занят разрывающими меня чувствами: стыд против азарта... И если бы я услышал то, что она только что произнесла, то расстроился бы тем фактом, что придется куда-то идти на своих больных ногах. И в то же время мне очень хотелось прогуляться по здешним местам.

– Я провожу тебя, – девушка подала мне аккуратно сложенную одежду.

Принимая ее, я коснулся белых нежных рук. Мы оба сделали вид, что ничего не заметили, но весь мой организм на мгновение превратился в одно сплошное нервное окончание, передающее только тактильный импульс. Даже ритм сердца сбился. Девушка кинула быструю улыбку, как бы отмахиваясь от меня, и отвернулась в поисках чего-то, скорей всего, не суще-

ствовавшего в этой комнате. Но я был готов благодарить за это, потому что у нее за спиной я, наконец-то, смог выдохнуть сдавливающий грудь воздух.

- Ты принял лекарство? – спросила она, не поворачиваясь.
- Да... Оно было, как всегда, мерзким, – соврал я, сползая с кровати.

Одежда пришлась мне впору. Нейлоновые штаны черного цвета, утепленные подкладкой из флиса, бежевый джемпер, комплект белья, комплект термобелья и тяжелые сапоги.

– Это для улицы. С одеждой у нас беда, ее совсем мало. На складе есть запасы – все, что успели вовремя собрать со всего города, благо Сидней был большим, – но этого недостаточно, – сказала блонди, видимо, услышав шорох одежды. – Так что береги ее... Еще один комплект, «домашний», лежит в твоей комнате. Такие простые вещи мы сами шьем. Там же теплая. Сейчас лето, не так холодно, так что можешь пробежаться по снегу... – девушка повернулась ко мне, но я успел натянуть только кальсоны. – ... в этом.

На сей раз мне не было неловко, все-таки азарт победил. И думаю, в моем надменном взгляде это читалось. Но моя помощница также оказалась не робкого десятка, что я понял по тому, с каким принципиальным видом она деловито скрестила руки на груди, слегка наклонив голову.

- Красуешься? – холодно спросила она.
- Нравится? – парировал я.
- Почему нет?

Мы оба как-то злостно заулыбались друг другу, будто за спиной у каждого спрятан заточенный нож. Осталось только выяснить, кто лучше с ним обращается.

- Так смотри, – ответил я.
- Я и смотрю, – она была равнодушна... по крайней мере внешне.

Тишина, наполнившая комнату, стала то ли напряженной, то ли игривой, то ли бесцельной... В любом случае, ее не требовалось нарушать; все было столь же настоящим, сколь и вообще вся эта снежная реальность. Мы просто смотрели друг на друга, как враги за столом переговоров. Вот только мы не были врагами, как и друзьями. Я – пришелец, она – та, кто вызывала интерес у пришельца.

- Ты мне тоже нарды притащишь? – неожиданно спросил я, чем заметно ослабил ее щит.
- Чего? – растерялась девушка.

Я ухмыльнулся и сделал пару шагов к ней:

- Доктор решил не говорить своего имени, пока я не обыграю его в этой дурацкой игре.
- Мне он тоже запретил раскрывать его имя.
- А свое? Или у вас принято вместо знакомства избивать гостя подушкой?
- Ха, вроде ты первый начал! – она выходила из равновесия.
- Вчера я был очень вежливым, – медленно приближался к ней.
- Ага, а птичка все равно упорхнула... – передразнила она фразу, которую не должна была слышать.

– Птички такие пугливые... – я встал почти вплотную к ней.

Мы снова замолчали, ибо диалог зашел в свой логический тупик. Мы стояли так несколько долгих и полных ожидания секунд, глаза в глаза, не желая уступать друг другу. Незнакомка положила руку мне на грудь, провела пальцем вверх по шее к щеке, лаская ее. Нежные губы растянулись в сладкой и коварной улыбке, после чего произнесли:

– Твое лицо так не похоже на здешних... Но... ты хотя бы умыл его для начала.

Взрыв планеты произошел в моем еще недавно предвкушавшем победу мозге, а мужественность разлетелась в вакууме, гонимая взрывной волной. Эта... «Девушка» повергла меня на лопатки, метко кольнув тонкой иглой раздувшееся, как шар, эго. Я готов был убить или умереть, или, убив, умереть. Моя ненависть к ней стала ненавистью к себе. И вся эта гамма чувств отобразилась в виде тупой полуулыбки, застывшей на моем лице. Не в силах что-либо возразить, я бегал глазами по ее торжествующему виду.

Блондинка триумфально хлопнула меня по щеке, мол, «иди, сынок, свободен!». И я подчинился ее злomu доминированию, направившись к ближайшей раковине этого больничного помещения. Струя холодной воды отрезвила мой подавленный мозг, и я краем глаза из-под мокрых ресниц смог наблюдать, как девушка посматривает на меня, пока я занят умыванием.

– Не переживай, милый, – она решила продолжить издевательство. – У нас все равно бы ничего не вышло...

И это было ее ошибкой! Одна лишняя фраза, кинутая после драки, полностью изменила расстановку сил в нашем психологическом бое. Во мне разгорелось ядовитое, как зелья доктора, пламя, готовое поглотить это усмехающееся белокожее существо целиком. Оно растеклось по телу, расслабив плечи, вытянув мою осанку, напрягая живот, и остановилось в районе сердца, которое теперь мощными толчками билось в ставшей вдруг широкой груди.

Во мне проснулся «Самец» в самом высокомерном его проявлении. Медленно и вальяжно я подошел к кровати, взял с нее майку и принялся неторопливо надевать на себя, не отрывая взгляда от той, с которой «у нас все равно бы ничего не вышло...»

– Ах, дорогая... – мой голос скорее мурчал. – Судя по вашим демографическим проблемам, меня тут для того и держат, чтобы у нас с тобой ВСЕ получилось.

Теперь искры летели уже из прекрасной златовласой головы, и девушка не в силах была этого скрыть. Ее крепко сжатые челюсти хранили много брани в мой адрес, а стиснутые кулаки были готовы метать молнии. Резко развернувшись, она вышла вон из комнаты, унося с собой наэлектризованный до предела воздух.

Оставшись в одиночестве, я закрыл глаза, задрал голову и, глубоко дыша, упивался своей победой. Мне было так хорошо, как никогда за эти дни. Кто бы мог подумать, что словесный бой с девчонкой может так исцелить! Или же здесь было нечто большее, чем банальная перепалка? Быть может, я начал по-настоящему осознавать свое место в этом мире? Все эти взгляды, прикосновения, реакции... Мое мужское тело чутко следовало своей природе. Многозначительная тишина и ничего не значащие шутки – в них мой человеческий мозг показывал себя во всей красе. Ненависть, азарт, интерес – эмоции, свойственные земному существу.

Я – человек, я – мужчина, я живой! Этого понимания мне не хватало всю неделю. Находясь в нереальном мире, не зная о себе ничего, я потерялся в череде вопросов и сомнений. Но сейчас я крепко стоял на ногах. Оковы, все это время удерживающие меня возле кровати, пали, даря долгожданную возможность двигаться.

Но прежде надо научиться общаться с местными.

Я не ожидал увидеть блондинку, открывая дверь, но она оказалась за ней. Думал, что будет неловко, но все было в порядке. Немного помявшись у порога, я скривился в сконфуженной гримасе:

- Прости...
- Да ничего, сама напросилась, – спокойно ответила она.
- Меня все это довольно сильно нервирует...
- Не переживай, – не дала она мне договорить. – Меня зовут Доон.
- А меня... Доктор называет меня «Дурнем».
- Соглашусь с ним, – улыбнулась Доон.
- Ммм... а тебе дали имя за то, что была розовошкой и златоволосой малышкой? – предположил я.¹
- Именно так.

Еще немного постояв в дверях, я, в конце концов, переступил порог и закрыл за собой дверь. Впереди был длинный коридор, как обычно бывает в отелях.

– Что ж, добро пожаловать в наш лабиринт! – произнесла Доон. – Надеюсь, сразу запомнишь, что тут к чему.

Мы начали движение, отчего я сразу напрягся. С одной стороны, мои шаги были довольно уверенными, но с другой – безопасная гавань осталась позади, а я выходил в открытое море. При обретенном чувстве легкости все-таки свежа была память о том, как тяжело было ходить еще вчера...

- Далеко столовая?
- Ты так голоден?
- Просто хочу добраться туда быстрее...
- Совсем рядом. Мы на двенадцатом этаже, здесь же ресторан. Лифт – в конце коридора, там же и лестница. И да, лучше успевай вернуться в комнату до темноты.
- В конце коридора...
- Ты слышал, что я сказала?
- Да-да... до темноты. Экономия энергии?
- Верно, ночью лифты не работают.
- Можно и по лестнице, – храбрился я, но в душе сам себе не верил. – На каком этаже моя комната?
- На двадцать шестом.
- Лучше на лифте...

¹ Dawn – (англ.) рассвет

- Слабак, – она вновь закатила глаза.
- Нам надо что-то делать с твоей агрессивностью...

Но выражение ее лица не изменилось. Мне стало очень интересно, чем же я ей не угодил. Хотя, судя по нашему утреннему разговору, ее недоверие ко мне было оправданным, ведь она моментально поняла мой намек на роль Священного Быка. И это только усугубляло мое положение. Ей-богу, они бы еще вывеску на меня надели!

Мы дошли до просторного помещения. Старинная надпись «Ресторан» подтверждалась вкусными запахами, витающими в воздухе.

– Завтрак у нас с семи до девяти, потом все идут на работу... И не мотай головой – тебе тоже работу найдут!

Я даже не хотел спорить. Мое слюноотделение началось уже при входе в столовую.

– Это Магда, – Доон указала мне на темноволосую женщину в возрасте. – Она здесь и повар, и раздающий, и хозяйка...

Магда была приятной женщиной с добрыми глазами и многоговорящими морщинками. Увидев меня, она заискрилась улыбкой.

- Доброе утро! Мы вас ждем!
- Очень приятно, Магда, – любезно ответил я, подумав: «Надеюсь, меня больше никто сегодня не ждет».
- У тебя особое меню. Все натуральное!

Магда сказала это так, будто натуральная еда была очень большой редкостью.

- Мне даже неловко.
- Ничего, скоро перейдешь на обычную еду, – подхватила мою тарелку Доон.

Мы поблагодарили Магду, которой явно хотелось задержать меня многочисленными вопросами. И надо отдать должное моей белокурой спутнице: она отлично справлялась с ролью проводницы, ловко лавируя между столами и людьми, не допуская никого из них ко мне. А взгляды я притягивал, как магнит! В столовой находилось около сорока человек, и все они смотрели на меня. Кто-то искоса, кто-то прямо. И на каждом лице, в каждой паре глаз читались вопросы-вопросы-вопросы...

- Как же неудобно! – пробубнил я, зачерпывая ложкой омлет.

Доон понимающе кивнула. Кажется, сейчас она, действительно, прониклась сочувствием ко мне. Ей было видно, как я тону среди незнакомого мира.

– Это нормально. Ведь ты – что-то вроде чуда для нас, – попыталась она объяснить ситуацию... то ли мне, то ли себе.

Я лишь кивал головой, набивая рот едой, соком и зеленью. Мне, конечно, было неловко, но не до такой степени, чтобы отказаться от пищи. Тем более что это была самая вкусная еда за всю неделю, никак не связанная с последующим выворачиванием желудка наизнанку.

Доон смотрела на меня и как-то искренне улыбалась такому аппетиту.

– Идешь на поправку. Ешь, как бык!

Я с трудом подавил смех, ибо слово «бык» у меня теперь ассоциировалось с чем-то другим.

– Или как свин, – мрачно добавила Доон. – Я еще не решила...

Чтобы не портить себе аппетит лишними размышлениями, я решил перевести тему. И больше ничего не смог придумать, как обратить внимание на амулет, висящий на шее девушки.

– Милый науз.

Она даже не сразу поняла, о чем я. Дотронувшись пальцами до подвески, Доон сообразила, но лицо ее еще больше нахмурилось.

– Это крестик.

– Да... знаю, – отмахнулся я. – А я как сказал?

– Я и слова такого не знаю... Сам повтори! – потребовала она.

– «Науз», я сказал «Науз». Перепутал...

– Что перепутал?

– Слушай... – не выдержал я. – У меня порой бывает. Спроси у доктора. Что-то внутри перемыкает, и я говорю неадекватные вещи.

Доон что-то молча обдумала, а потом сказала:

– «Неадекватные» – это когда не соответствуют объективной действительности. Но ты ведь сам не соответствуешь нашей действительности...

Мысль показалась интересной.

– Значит, мне разрешается вести себя немного странно?

– Только в пределах разумного, – почти прошептала девушка.

– А что есть разумное? – я также понизил голос.

– Определим со временем.

Как же было приятно от такого поворота событий. Еще с утра мы друг друга ненавидели, а сейчас Доон стала единственным человеком, которому я хотел доверять. Даже доктор казался более подозрительным. Но осознание этого зародило во мне страшную мысль: а не подослал ли коварный врач ко мне эту дерзкую блондинку, чтобы выведать мои секреты?

Я окинул взглядом девушку, перебирая в голове наши разговоры и встречи, и в итоге решил, что мне абсолютно все равно, какая у нее миссия. Ведь, так или иначе, я и сам хотел выяснить, кто я такой. Компания энтузиастов в этом деле мне не помешала бы.

– Науз – это подвеска, в которую клали специальные травы или написанные заклинания, оберегающие здоровье или жизнь, или же просто завязанный узелок. Вот я и подумал, что у тебя такой же. Сейчас вижу, что это просто крест.

– Бесплезная вещица, – хмыкнула Доон.

– Ну, как сказать... Ведь он означает, что ты – часть чего-то большего.

– Чего, например?

– Как минимум, общества, объединенного общей целью.

Девушка явно впечатлилась моими философскими познаниями, что выдала приподнятая бровь.

– А я думала, ты о Христе сейчас заговоришь.

– Ты даже его знаешь? – удивился я.

– Бабушка что-то рассказывала. Она же мне крестик и подарила, когда я была совсем маленькой. Но мне уже тяжело что-то из того вспомнить. Да и кому нужна эта религия?

– Всем нужна религия. Это же система духовных знаний, как-никак. Другой вопрос, что религия – это продукт общества и эволюционирует вместе с ним, в отличие от духовности.

– Возможно. Какое нам дело теперь до распятого человека?

В голове моментально вспыхнул отрывок из недавнего сна: человек на кресте, чучело на кресте, фигура на древе, вокруг вороны. Я невольно поежился, вспоминая птиц.

– Конкретно до Этого, – я ткнул на крестик, на котором, впрочем, не было изображения Христа. – Никакого. Но ведь символ – это не частный случай. Символ универсален, вне зависимости от того, в каком виде он воплощен в данный момент.

Доон снова приподняла бровь:

– Ого! Какие откровения! Ты это в той книге, что дал тебе Док, вычитал.

Я замешкался:

– Да, но... я об этом не думал сейчас. Просто знаю это, и все.

– Так же, как о «наузах»? – моментально среагировала Доон.

– Ну, да... наверно.

Девушка еще раз смерила меня взглядом и после непродолжительной паузы перевела разговор в другое русло:

– Сегодня будет долгий день. Доктор назначил тебе физкультуру, так что поднимись к себе, отдохни, а через пару часов спускайся в медкомнату. А мне пора бежать. Твой номер 2611, – она положила на стол ключ.

– О, так у тебя есть ключ?

– Ты под контролем, – подмигнула Доон.

– Меня устраивает, – сорвалось с моих губ.

То ли от смущения, то ли от ситуации, блондинка залилась смехом. Но тут же остановила себя.

– Ах, да! – ее рука нырнула в карман. – Чуть не забыла. Это тебе, – она кинула мне маленькое красное яблоко. – Только не сдавай меня Магде!

В своей легкой манере Доон поднялась из-за стола и весело вышла из ресторана, попутно поздоровавшись с еще несколькими завтракающими людьми.

– И птичка снова упорхнула... – проговорил я ей вслед, вращая пальцами фрукт.

Оставшись в одиночестве, я ощутил жуткое давление этого места. Люди снова подозрительно косились на меня со всех сторон. Выход был один – бежать как можно скорей в свое убежище. Что я и сделал, мечтая, чтобы по дороге мне больше не встретился ни один человек.

– Было очень вкусно, – поблагодарил я Магду, уходя, отчего она расплылась в довольной улыбке.

– Не убегай так быстро...

– У нас еще будет время побеседовать, – перебил я ее. – Я к Вам обязательно заскочу.

Не дожидаясь ответа, я почти вылетел из столовой. Домой! Домой!

Двери лифта открылись на двадцать шестом этаже, и я вышел из него, сжимая в руках книгу Гривина, которую забрал из медицинского отдела, где провел ночь. «Добро пожаловать в Лабиринт», – вспомнилась мне фраза Доон.

Передо мной лежал длинный темный коридор, разветвляющийся еще на три части через несколько метров. И где же моя комната? Я стоял на перекрестке, не в силах решить, в какую сторону направиться. Может быть, направо?

2640... Нет, видимо, все-таки налево. 2601, 2602, 2603. Да, я на правильном пути. И мне надо было торопиться, потому что мои ноги начинали неметь, а на глаза натягивалась темная пелена. Ко всему еще и сам коридор был крайне плохо освещен. Я шел практически на ощупь на слабеющих с каждым шагом ногах. 2607, 2608... Мне показалось, что двери лифта вдруг снова открылись.

Я развернулся, но не смог ничего разглядеть... Ситуацию усугубляло гадкое самочувствие и расфокусировка зрения (никак не удавалось «настроить» его, сколько бы я не тер глаза). Среди полной тишины до меня донесся непонятный звук.словно кто-то шаркнул по полу. Я замер: «Просто еще один житель»... И через некоторое время на перекрестке появился силуэт. Высокий мужчина... Наверно, сосед по этажу. Однако в сгущающемся мраке я не был уверен, что вижу человека. Воображение рисовало невероятное антропоморфное существо. Оно стояло и смотрело прямо на меня. Чего ему от меня надо? Руки существа вытянулись в мою сторону, став неестественно длинными. Я в полубморочном состоянии попятился назад, ведь они, как и гибкие ноги, были будто свиты из множества веревок, а его голова казалась неправильной трапецевидной формы... и на ней не было лица!

Ноги совсем отказали, и я свалился на пол, выронив книгу. Перевернувшись, я вновь схватил ее и на четвереньках пополз к своему убежищу. 2609...2610... 11 – мое спасение! Я обернулся...

На этаже никого не было. Лишь я, потный от ужаса, и сумеречные стены. Трясущиеся пальцы достали из кармана ключ, кое-как вставили его в замочную скважину, провернули – дверь отворилась, и я ввалился в комнату. Спустя секунду, я уже сидел на полу, прижимаясь спиной к кровати, и тяжело дышал. В комнате было слишком мало воздуха...

Что это? Очередное видение? Многовато для одного человека. Я обрушил голову в ладони, хватаясь за волосы. Раз, два, три... Выдох.

Все хорошо. Я просто брежу. Вся эта религиозно-историческая чушь из книги плохо влияет на мой неокрепший разум!

Взобравшись на кровать, я ощутил, как к ногам вернулась сила. Физическая нагрузка была мне просто необходима. Доктор правильно понимал состояние моего здоровья. С одной стороны, во мне бушевала энергия, которую надо использовать, а с другой – мне не хватало стабильности, крепости тела.

Из широкого окна в комнату проникал призрачный серебристый свет, мягко отделявший мутные тени. Кровать была самым светлым местом в помещении. На ней же лежала моя новая одежда. Побывав в общественной столовой, я вдруг понял, как хорошо мне было, когда не носил все эти вещи. Вот о чем пытался сказать мне Док в тот день.

Чтобы не грустить, я открыл книгу в поисках той информации, которую рассказывал сегодня Доон. Моя нить-закладка выпала, когда я обронил книгу в коридоре. Поэтому я перелистывал страницы одну за другой. Вот «Предисловие», а вот и «Глава 1»:

«В средние века католическая церковь активно распространяла идею о том, что вся наша греховная земная жизнь, наполненная страданиями и телесными переживаниями, ничего не стоит. Главная цель истинного христианина состоит в спасении своей души. Важна лишь она. Истинно верующим и ведущим соответствующий образ жизни обещали Рай, а людям, идущим на поводу у своей плоти и дурных помыслов, что было неизменно связано, сулил вечный Ад.

Это очень удобная модель мира, говорящая «тянись к свету, а не ко тьме», однако она сильно упрощена, ведь свет и тьма – это самые древние супруги во Вселенной. Дед и Баба, Сера и Ртуть, Царь и его Королева, рождающие главное действующее лицо сюжета – человека.

Считается, что пребывание людей в материальном мире, – это время, за которое нужно успеть подготовить свою душу к Спасению. Под «спасением» понимается воссоединение человеческой души с Богом. То, что в индийской философии трактуется как Мокша – освобождение от вечного перерождения (Сансары) для слияния с Абсолютом. Идея одна, но трактовки различаются, ибо в современном Христианстве акцент Спасения ставится на избавлении от посмертного Ада. Этот акцент довольно сильно искажает основную мысль.

Ведь что такое «Спасение»?

В католицизме для этого принят термин «Salvation». «Salvus» имеет тот же корень, что и русское «Целый» и, в конечном итоге, «Коло». Другими словами, «не нарушенный, не прерванный, замкнутый». Образ, играющий огромную роль во всей древней философии, но никак не отвечающий требованиям известного нам в упрощенной форме церковного канона. Быть спасенным, таким образом, – это обрести целостность, что соответствует индийской Мокши – становлению частью Абсолюта. Именно поэтому Рай так тесно связан с ощущением блаженства: потеря себя как индивида и становление частью целого обеспечивает растворение в общем через потерю частного. Страдание же – удел индивидуального, вызванный отделением от целого (отрывом) и свободой выбора».

Чем дальше я продвигался, тем больше понимал, что вчера не читал ничего подобного. Возможно, бегло пролистал и выхватил какие-то сведения? Но почему я так уверенно рассказывал о христианской символике Доон?

«В православии принят термин «Спасение», в честь чего Иисуса Христа называют «Спасом». В греческой христианской традиции, имеющей общие корни с русским православием, Спасение именуется «Σωτηρία», что обычно читается как «Сотерия».

Слово «Спас» тождественно латинскому «specto», что значит «смотреть, обозревать, наблюдать», как и английское «spectator» (зритель), «spy» (шпионить), скифское «спу», то есть «глаз», что уже на столь поверхностном уровне вызывает логичный вопрос: а причем тут «спасать от мук адских», когда речь идет о «присмотре и наблюдении»?

Следуя за понятием Целостности, а также зная, что в «Сотерии» первый корень – это «σῶω» (су), который восходит к общему индоевропейскому «сва» или «су», то есть некий «свод воедино, связывание», мы видим, что «спас» довольно точно подтверждается обрядом надевания нательного креста в христианстве – привязывания своего индивидуального к целому – к христианской Общине, олицетворяемой христианским Богом и Собором Святых».

Ну, наконец-то! Я нашел этот отрывок! Я, действительно, вычитал эти данные из книги! Вот только сомнения не хотели покидать мою голову, а повествование Гривина вело меня дальше:

«Дело в том, что символ креста обозначает как раз скрепление воедино. Второе, более народное, значение креста – это оберег от дурного. Вот и получается, что крест – это и скрепление, и оберег. Другими словами, крест – это безопасность и сила в единстве, что и есть настоящий смысл «Спасения».

Бог изображается в виде небесного глаза, поскольку Он, как смотритель («спас»), способен охватить взором весь мир, в то время как мы вращаемся внутри него. То есть, в отличие от земных существ, Бог видит всю картину целиком, как связанную систему, может охватить ее, то есть постигнуть. Таким образом, Бог находится вне этой системы, противопоставляется ей. Ведь только находясь вне мира, можно видеть его целиком, совсем как космонавты видят Земной шар издалека, понимая его реальные размеры, формы, наблюдая за атмосферными потоками и суточным вращением, а мы – земляне – удивляемся внезапному дождю и любимся закатами.

Но если Бог – это «глаз» – субъект наблюдения, то что же тогда является объектом наблюдения? Чему противопоставлен Бог? Ответ – видимому материальному миру или, если давать ему имя, Сатане.

Да-да, «Лукавый» – это и есть наша «Явь», мир вещества, мир лиц и оболочек, имеющий множество форм. В то время как образ Господа – это олицетворение непроявленного, мыслимого, идеального. Взаимоотношения Бога и Дьявола, идеи и вещества, замысла и воплощения, именно в таком аспекте – это центр космогонии древних, понимание которой обязательно, так как дает способность воздействовать на материю».

Мой мозг буквально заскрипел. Я подумал, что от прочитанного, но только поначалу. Мне нестерпимо захотелось скинуть одежду – оболочку – и смыть с себя невидимый осадок этого «лукавого» мира. Мысли молниями забились внутри черепной коробки – текст книги запустил во мне механизм обрывочных воспоминаний, но на этот раз их было больше. Словно поток реки, перекрываемый хрупкой дамбой, готовый снести ее своей мощью. И мне было ясно, с чего такая сила, ведь теперь я мог предположить, откуда в моей голове вся эта утренняя информация по наузам. Она снилась мне этой ночью после чтения, но внезапное пробуждение и вызванная им ярость затмили сон, выгнав его в темные подземелья разума. Но теперь я вспоминал. И сон, и те события, что скрывались за ним.

Я стянул с себя душную одежду и залез в ванну. Вода медленно наполняла ее, погружая тело в невесомость и высвобождая мысли одну за другой до тех пор, пока в голове не осталась лишь тишина, а окружающее пространство перестало существовать. Я сделал глубокий вдох и ушел в глубины своего подсознания, нырнув в воду...

...Ветер, хлещущий по небритым щекам. Молодой человек, бредущий сквозь ночную темноту. Глаза, полные усталости, опущенные плечи. Хаотичный танец снежных хлопьев в усталом свете городских фонарей...

...Теперь он стоял на вершине холма, поднимающимся над густым зеленым лесом. Мужчина выглядел иначе, более уверенным, жестким и спокойным. Его глаза закрыты, а чуть сдвинутые брови образовали морщинку на лбу. Он держал в руках какой-то предмет прямо перед своим лицом и нашептывал ему неслышимые слова.

Может, он молился? Или прощался? Я бестелесным воздухом парил вокруг него, не имея возможности хоть как-то проявить себя.

«Я тебя освобождаю», – услышал я, приблизившись почти вплотную.

Мужчина открыл сжатые ладони – в них оказалась плетеная из веревок человекоподобная устрашающая кукла, сделанная словно из одного пучка толстых нитей, сходящихся в трапецевидной голове. Мужчина поцеловал ее, медленно выдыхая в нее воздух.

После этого он начал распускать веревки, развязывая узлы. Как только нить освободилась, он отпускал ее восвояси. И с каждой улетевшей нитью, я чувствовал прилив сил, но не своих, а... ветра. Поток воздуха становился плотнее, и когда в руках мужчины остались

всего три нити, ветер жадно вырвал их. Мужчина не сопротивлялся и позволил потоку унести остатки куклы.

Его сияющие глаза были полны радости и смотрели на горизонт. Ветер начал ослабевать, а вместе с ним и мое присутствие в данной сцене...

На берегу реки, полной солнечных бликов, столпился народ. Все хотели хоть краем глаза увидеть новорожденного, но волхв был широкоплечим, и малыш терялся в его руках. Маленький комочек, завернутый в красно-белый широкий пояс, который для него соткала Марья.

Рядом по колено в воде стояли молодые родители. Мать позволила себе пролить слезу счастья, отец крепко держал ее за руку. Остальные члены большой семьи остались на берегу, не смея переступить водную черту.

Я наблюдал за происходящим со стороны леса. И если быть честным, то пришел посмотреть не на обряд имянаречения – среди всей этой толпы меня интересовала лишь одна девушка, которая приходилась двоюродной сестрой имениннику. Я искал ее зоркими глазами среди прочих лиц, но не мог увидеть.

«О, бескрайнее море, что было вначале, – продолжал свою громкую речь волхв. – Ты полно жизни, полно силы, стремительно. Течешь и меняешься столь быстро, столь часто! Я вижу тебя рыбой, но вот ты – змея, а после конем ты пенишь свои воды, и брызги летят, словно птицы. Ты – мать, ты – муж, ты – бескрайнее поле, ты – туча небесная, ты – мурава. Позволь мне, лебедю, нырнуть в твои воды. Позволь мне, утице, достать сокровенное».

Волхв, чье лицо скрывала маска, начал раскачивать ребенка, приговаривая: «И нырнул лебедь, но не достал до дна. И нырнул лебедь снова, но не достал до дна. И нырнул лебедь в третий раз, и поднял со дна комок ила».

С этими словами волхв опустил ребенка в воду, отчего все вокруг замерли. Тишину разрезал пронзительный крик малыша, подхваченный ликованием толпы. Родители приняли свое дитя, чтобы завернуть его в сухое и теплое одеяло. Пока они это делали, волхв продолжил свою речь:

«И была сыра Земля, и была мутна Земля», – он набирал в горсть воды и взмахом окроплял народ на берегу.

В какой-то момент толпа разошлась, и моему взору открылось столь любимое девичье личико. Оно сияло в солнечных лучах, и капли разбрызганной воды на ее коже отражали этот блеск. Девушка с любопытством смотрела на брата и, наверно, мечтала, что когда-нибудь окажется на месте его родителей и так же будет принимать своего ребенка.

В светло-русые волосы по всей длине были вплетены красные маки вперемешку с другими полевыми цветами. Скоро наступит время, когда ей заплетут длинную косу, и тогда я смогу прийти в деревню, надеясь сделать ее своей женой. От несбыточности этой мечты я тихонько зарычал. Ну же, посмотри в сторону леса! Увидь меня! Но девушка была полностью увлечена обрядом.

Ребенка перепеленали, и он успокоился.

«И стала земля печься под солнцем. И стала она отделяться от моря вечного. И стала она связываться, крепнуть. И зацвела Явь, и раскинулась Явь, и была она тверда и прочна. И пошли по ней роды животные, роды крылатые, роды хвостатые. И лепились они все из твердеющего ила, и отделялись от Сырой Земли, и связывались узлами прочными».

Волхв подошел к родителям, держащим дитя.

«И завязалось дитя последнее, и было дано ему имя...», – ряженный наклонился к ребенку и прошептал его имя, затем он повторил его на ухо отцу, а после и матери. Достав из маленького мешочка амулет, волхв надел его на младенца, подвязав концы к другому оберегу – маленькой стреле.

«Дано не мною, а теми тремя»...

Я открыл под водой глаза и оцепенел, увидев прямо перед собой страшную трапециевидную голову с высунутым языком, вокруг которой обвивались змеи. Крик вышел бурными пузырями из моей глотки, и я вскочил на ноги, расплескивая на пол воду. В ванной находился только я...

Через два часа, как и было условлено, я направился к доктору. «Я учился кое-каким практикам», – сказал он мне вчера. Я очень надеялся, что одной из них был гипноз...

Глава 6

- Не проси меня об этом! – сразу возразил Док.
- Да я с ума скоро сойду! – кричал я в ответ.
- Нельзя тебе гипноз!
- Нужно, Док!
- Нет, нельзя!
- Но почему?
- Ты еще не готов!
- Да я призраков вижу на каждом углу!

Доктор так нахмурил брови, словно в нем проснулся безумный ученый, которому плевать на то, что произойдет с испытуемым, пусть хоть лопнет, ведь результаты исследования важнее.

- Ты о чем? – спросил он, смерив меня взглядом

В ответ я лишь развел руками. Мне отчего-то казалось, что врач сам прекрасно знает, что со мной происходит. Я не был уверен, откуда появилось это чувство, мог лишь догадываться, но упрямое недоверие к доктору несправедливо проросло во мне с каждым днем, и это расстраивало, ведь от него зависела моя жизнь, к нему же я обратился за помощью. Просто больше было не к кому идти со своими странностями. И вообще, он сам виноват в моих психических проблемах: дал странную книгу, напугал своим умирающим миром, взвалил на меня демографические проблемы! Вот пусть теперь разбирается с этим клубком!

– Доктор, – начал я медленно и спокойно выговаривать предложения. – У меня в голове одни короткие замыкания. Я могу что-либо взболтнуть, а потом забыть, могу увидеть что-то ненастоящее, но пугающе живое, вижу реалистичные сны, будто это воспоминания, но... того мира, что я вижу, уже давно, по твоим же словам, не существует! – я выходил из равновесия... снова. – Моя голова похожа на шкатулку с секретами. Таким пухлыми, жирными. Они давят, Док! Мне больно!

Врач тяжело вздохнул и помотал головой. Затем он положил свою руку мне на плечо, мягко усаживая на больничную койку.

– Ты пойми, – помедлил он. – я здесь для того, чтобы тебе помочь, в этом мое призвание, – он потрепал себя по врачебному халату. – Именно поэтому я строго отказываю тебе в просьбе. Нельзя тебя гипнотизировать. Не сейчас.

В словах доктора звучала какая-то истина, но она была сокрыта от меня, как и все в этой гадкой ситуации.

- А когда? – устало протянул я.

Док дружественно хлопнул меня по тому же плечу, да так сильно, что я чуть не свалился на пол.

– Вот когда! – нравоучительно произнес он. – Ты помнишь, что я сказал о тебе в первый день?

- Кажется... – я вспоминал ощущение тепла, растекающегося по шее от хватки доктора.
- Отсюда сила ушла... – одновременно проговорили мы оба.
- И ее надо вернуть, – продолжил Док.
- А с головой-то что? – не унимался я.
- Вот дурак-то, а! – врач чуть не ударил меня по лбу. – Ну, это ж надо!..

Он заставил себя замолчать, чтобы не наговорить лишнего, перевел дух и спокойно пояснил:

– Видишь ли, гипноз – довольно грубое средство для разума. Это принуждение, провокация. Есть и другие способы, которые тебе помогут разобраться со своим подсознанием, более мягкие. Они проведут тебя, куда нужно, и оставят в покое, позволив самостоятельно исследовать твой мир. Но даже их я не могу сейчас использовать, потому что ты не готов.

Я совсем погрузился, поняв тщетность своих попыток уговорить доктора решить мои проблемы. Он, скорей всего, видел это по моей поникшей голове и согнутой спине, но продолжал свою нотацию:

- Ты еще не вылез до конца... на свет.

Это прозвучало несколько странно, потому я выпучил глаза.

– Да-да, я знаю, что с тобой происходит, – сказал Док. – Понял это еще в первый день и продолжал видеть все то время, пока ты боролся со смертью, не вставая с кровати... Даже не приходя в сознание. И вот ты здесь, передо мной. У тебя хороший цвет кожи, глаза искрятся, твое тело оживает, но ты еще не в полной мере здесь. Ты все еще одной ногой Там!

Я начинал его понимать:

- Но ведь это хорошо, разве нет? Хоть какая-то связь с...
- С чем? – перебил меня Док.

Я дернул плечами.

– Не думай, что с прошлым. Твои воспоминания – в твоей голове, а не в том состоянии, из которого мы тебя вытащили. Пойми, там – бескрайний океан. И ты все еще цепляешься за него, пытаясь осознать, что за волны на тебя накатывают. Забудь! Отделись от него!

Речь доктора отзывалась во мне образами из видения о крещении младенца. Бескрайнее море, отделение от него земли... Об этом говорил Док? Или же я просто ловил ассоциации? Док не давал мне подумать, заставляя соглашаться с ним. Снова он играл со мной, возвращая потерянное доверие. И снова сердце шемило от двойственности чувств. Мне очень хотелось иметь друга, и столь же сильно я желал остаться одиноким и, следовательно, защищенным. Мысли сделали петлю и вернулись к младенцу, на которого волхв надевал амулет: «и стала земля связываться, крепнуть...»

- Тебе надо окрепнуть.
- Что? – растерялся я, как только Док закончил свою речь. Дрожь скользнула по телу от осознания синхронности его слов и моих дум.

- Укрепи свое тело, оторвись от Того мира, – он ткнул пальцем куда-то в пол.
- Хорошо, – коротко согласился я, все еще пребывая где-то в своих мыслях.

Сквозь широкие окна спортивного зала ярким белым потоком лился рассеянный солнечный свет. В его объятиях двигался темный силуэт. Это Зит, мой личный физиотерапевт. Он со скоростью пули наносил удары один за другим по знавшей лучшие времена груше, всюду заклеенной заплатками. Тень Зита была стремительна и точна, а обволакивающий свет превращал ее в призрака. Если бы не звуки тяжелых ударов, разлетавшиеся по всему помещению, я бы решил, что у меня очередное видение, но гром кулаков и быстрые выдохи призрака доказывали, что, закрыв за собой двери зала, я не попал в параллельный мир и все еще оставался в реальности.

Заметив меня, тень остановила свое неистовство, похлопала грушу, словно старого напарника в благодарности, и направилась ко мне. Чем ближе Зит подходил, тем отчетливее я ощущал на себе его подавляющую мощь. Он не был мускулистой глыбой, как и не был выше меня ростом, но его можно было назвать богатырем. Широкие плечи, напряженные мышцы несли в себе невероятную скрытую силу, которая проявлялась в каждом шаге и остром взгляде. Он будто сразу заглядывал мне под кожу, обнаруживая слабые места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.